

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО



25 FEVRIER 1937

LES COSAQUES LIBRES

X^e Année

25 ФЕВРАЛЯ 1937 г.

215

25 ЛЮТОГО 1937 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

РІК ВІДАННЯ 10-ий



Содержание:

1. Вячеслав Седов: — Родному Краю.
2. Николай Лапкин: Казачьи могилы.
3. Вадим Измайлов: — Клеветникам Казачества.
4. Спасение Казачества —
единая казачья держава.
5. Трагедия Казачества.

6. А. Ленизов: — Материалы по истории Степного похода.
7. Николай Посохов: — Не пора ли всем казакам в разум истинный прийти?
8. Б. Лубенский: Андрэ Жид о СССР.
9. И. Тищенко: Дорогие Вознесенцы.
10. Казачья эмиграция.
11. Гавриил Павлов: В стане русских казаков.

Почтовый ящик:

Ош. И. — Получено. Спасибо. Привет.
От. Гаронн. Г. З. — Получено. Спасибо. Привет.
Клеветянд. Т. К. — Получено. Спасибо. Привет.
Руте, П. Ч. — Получено. Привет.
Бор. И. Н. — Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Смедерево, Т. Ш. — Получено. Будет напечатано в следующем номере. Привет.
Ганновер, П. Л. — Исполнено. Привет.
Пинкс. Н. К. — Будет напечатано. Привет.
Нилш. И. Ф. — Будет напечатано. Привет.
Клуж. В. Е. — Получено. Будет напечатано. Привет.

ВК ОРГАНИЗАЦИЯМ ВО ФРАНЦИИ.

2-ой окружной съезд ВК во Франции 11-го июня 1935 года постановил вносить в кассу окружного правления по 1-му франку в месяц за каждого вольного казака, а также — по 1-му франку в кассу Походного Атамана ВК. — Постановление это исполнялось не всеми ВК организациями.

В прошлом году, в виду тяжелого материального положения окружного атамана А. К. Ленизова (безработица), я предложил оба франка давать непосредственно ему, окружному атаману. — Тем не менее, ВК организации и дальше не все исправно исполняют свои обещания.

В виду того, что положение окружного атамана не улучшилось, а я, в виду растущей во Франции дороговизны, не могу впредь оказывать ему существенной помощи, настоящим напоминаю вольным казакам об их долге по адресу их выборного окружного атамана и предлагаю немедленно пополнить старые долги, за кем они числятся, а дальше уже высылать причитающееся окружному атаману без особых напоминаний. — Окружной атаман исполняет возложенные на него окружным съездом обязанности. Должны исполнить свои обязанности по отношению к нему и вольные казаки.

Походный Атаман ВК И. Билый.

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очек на тему: Казачество и Россия)

ЧАСТЬ III.

(ИЮНЬ — ДЕКАБРЬ 1919)

ВЫШЛА ОТДЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ.

ЦЕНА во Франции — 20 франков, в Чехословакии — 30 кр., в Югославии 50 динар, в Болгарии — 100 лев, в Румынии — 100 лей, в Германии — 3 марки, в Польше — 5 злотых. В других странах — 1 америк. доллар.

Каждый вольный казак должен иметь при себе эту книгу

Братья казаки, дружной покупкой III части помогите выпустить следующую — IV часть.

Первая часть «Тр. Казачества» разошлась вся. Вторая часть еще есть, но не много. Стоит она 10 франков.

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ НАШЕГО ЖУРНАЛА ВО ФРАНЦИИ.

В настоящем номере всем подписчикам и читателям во Франции рассылается чековый бланк для более удобной пересылки подписной платы за журнал «ВК». — Те, кто подписную плату уже внес, те пусть припрятят этот бланк на будущее.

ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ

устраивает Парижская ВК имени А. И. Кулабухова станица

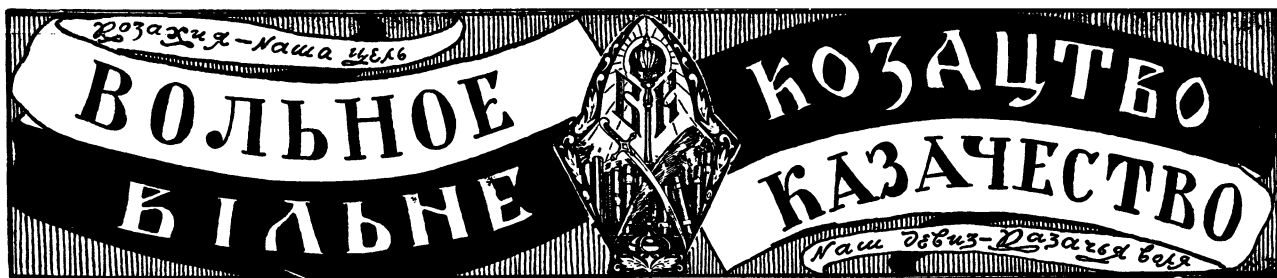
7-го марта в 2-е половиную часа дня в помещении:

27, бульвар Ла Тур Мобур,

посвященное 19-й годовщине Донского Степного и первого Кубанского походов.

На покрытие расходов — 1 франк. Безработные казаки — бесплатно.

Станичный атаман полк. И. Пляхов.
Писарь сотн. В. Семенов.



— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 109, rue Erlanger, Paris (16°)

№ 215

Четверг 25 февраля 1937 — Четверг 25 марта 1937

№ 215

ВЯЧЕСЛАВ СЕДОВ.

Родному Краю

Долго-ль мне блуждать по свету
Одинокою кометой,

Сердцем изнывать?

Все чужое взор туманит,
Степь родная к себе манит —

Сколько же страдать?

Шум знакомый ночью слышу,
Ароматом степи дышу

Чрез пятнадцать лет..

Слышу песни боевые,

Вижу лица мне родные, —

Сил уж больше нет!

.....
.....
.....
.....

Где ты, где ты, Край Родимый?

Сердцу милый и любимый,

Чудный, славный Край!

Тот же-ль твой простор широкий,

Тот же-ль Дон седой глубокий,

Как бывало встарь?

То же-ль небо сине, ясно,

Ночь донская так прекрасна,

Беспредельна даль?

.....

Шлю тебе привет глубокий,

Край мне близкий, но далекий,

Из далеких стран!

Земно кланяюсь родному

Старому Тихому Дону

И всем казакам!

НИКОЛАЙ ЛАПКИН.

КАЗАЧЬИ МОГИЛЫ

(В С.-Стефано).

Три креста на холме. Сиротливо кругом.

Слева море лениво колышется.

Справа видны мечеть, кипарисы и дом,

И восточная песенка слышится.

Зачарованный гай кипарисов грустит,

Словно сказкой усопших баюкая...

Им в предсмертную ночь Степи грезился вид

И уснули сердца с тяжелой мукою...

Это дети страны необъятной, большой,

Где сплелась мощь души с простодушием.

Дети Края, где жил землероб и герой,

А теперь там гнилое бездушие.

Это те, что их всюду-езде легко можно узнать:

На Балканах, в Царьграде, в Берлине, —

На их лицах печали немая печать

И — с терпеньем вопрос изумления.

Их два стана теперь, но как тот, так другой,

Верша долю кровавою битвою,

Со слезами в глазах и безбрежной душой

За других умирали с молитвою.

Кто был прав и кто нет, — будет время судить
(Все они без вины виноватые!)

Не поняли одни, что пришлось жизнь сложить

За заветы чужие, проклятые...

Строгий жизни закон разбросал их теперь,

Разбросал как чужих и безродных...

И закрылась к Краям им желанная дверь:

Вихрь чужой крутит дух непокорных...

Но за что-ж, почему-ж так безбожна судьба,

Распяв души бесстрашно-орлиные?

Иль кровавая в прошлом всеказачья борьба

Не собрала их в стаю единую?!

Что-ж за дети и какой же страны
 Эти выходцы будто странные?
 Не боялись они самого сатаны,
 А теперь их судьба — бесталанная!..
 Это дети Степей, где засел ныне враг,
 Где родилась плеяда героев,
 Где мятежная Русь, подняв красный свой стяг,
 Простодушью бездушья гроб роет.
 Это — Воли сыны, коих острая сталь
 Была ведома целому миру.
 Равных нет им сейчас, как и не было встарь,
 По кровавому бранному пиру.
 Дети Запада, турки, монголы и Русь,
 Знают страшную конную лаву,
 Знают доблести их безконечную высь,
 Не оспорит никто им их славу!
 Это дети Свободы и Воли былой,
 Это — пасынки бывшей России,
 Это — чистые сердцем простые герои,
 Эти дети — сыны Казакии!
 Но семнадцать уж лет, как безжалостный рок
 Планомерно несчастья им носит,
 И ни двери чужих, ни изгнания урок
 Счастья Степи сынам не приносит...
 Все лишь то потому, что незыблем закон
 Жизни наций: из застенков сурового ката
 Толькой свой разберет в безразличьи времен
 Стон души ему родного брата.

Только свой своего может душу понять...
 А во имя Отчизны распятой
 Сынам Воли «повязку» давно-б пора снять
 И, как встарь, — под Штандарт свой поднятый!
 Без претензий, лукавств, сожалений, обид,
 Без надежды на вечно чужое,
 Нося гордо свой крест, и казачий свой вид, —
 Все под знамя Казачье Родное!

... ..
 А когда пробьет час и услышим мы зов
 Тех, кто любит родную Отчизну,
 Кто нас в бой поведет... — там мы встретим
 врагов —

В поле справим кровавую тризну...
 Если жить суждено людям Воли святой,
 Если правда еще не распята,
 Те увидят сиянье мечты золотой,
 Кто не ляжет кости из нас, братья!
 А кто в битве падет за Казачий Народ,
 Кто отдаст на Алтарь его жизни,
 О тех память в Степи никогда не умрет:
 Они гордостью будут Отчизны!

Если-ж Правда, Любовь, Совесть, Честь и Закон
 Под шум «сильными мира» распяты.
 Жизнь без Воли — не нам... Лишь один только
 стон,

А потом... пусть все будет проклято!..

ВАДИМ ИЗМАЙЛОВ.

Клеветникам Казачества

Я б не хотел, чтобы эти строки
 Рождали горькие упреки,
 Негодование и гнев,
 Достойных старых, желчных дев,
 Морали скучные уроки,
 Иль полный ненависти взгляд
 Не в меру нос задравшей пешке,
 Ни в снисходительной насмешке
 Под равнодушьем скрытый яд.
 Нет, не того совсем хотела б
 Моя душа. А впрочем, пусть...
 Чувств неподдельных скорбь и грусть,
 Предсмертный стон и звуки жалоб,
 Проклятья, слезы и могил
 С землей сравненных вид убогий
 У вас не вызовут тревоги
 И укрощенья жадных сил.
 О, ты, беспечный столь в берлоге,
 Великий северный медведь, —
 Вокруг тебя блуждают тени
 И ждут, томясь, чтоб посмотреть
 На мзду грядущих поколений...
 Был долог, долог твой покой,
 И с юга тяжких войн невзгода

Тебя смешила за спиной
 Порабощенного народа.
 И что ж за это? — он слышал
 Лишь хор торжественных похвал
 Да лицемерья глас лукавый.
 И ты, сей льстивый филантроп,
 Себя чужой венчая славой,
 Могильный рыл ему подкоп.
 Вот благодарность, вот награда —
 То беспредельная, то вновь
 Вдруг охладевшая любовь.
 Нет, нам любви такой не надо —
 Лжив ваших од похвальный звук.
 В час роковой, друзья и братья,
 У вас медвежье об'яття,
 Медвежья польза от услуг.
 И пусть предметом вашей злобы
 Все мы являемся пока,
 Пускай даем вам повод, чтобы
 На нас вы зрели свысока,
 Но, знайте, умники, что гордо
 Лишь зная в битве надо несть,
 А кверху вздернутая морда
 Являет глупость, а не честь.

В РИМЕ

22-го января с. г. в Риме на собрании, посвященном годовщине провозглашения украинской самостоятельности, друг Казаков, итальянский журналист *Лавро Майнард* в своей речи уделил много места и казачьему вопросу, подчеркнув, что освобождение Казачества явится большим фактором европейского мира.

На собрании этом присутствовало много итальянских политических деятелей и римских журналистов.

Спасение Казачества — единая казачья держава

Прошлую войну с русскими большевиками Казачество вело, само будучи раз'единенным. Казачьи Войска шли порознь. Каждое Войско шло своим путем и каждое по-своему.

Наше раз'единение старательно поддерживали там наши противники — «белые» и «красные»...

К сожалению, мы сами тогда мало работали над об'единением своих сил, слишком мало стремились друг к другу.

Там, в борьбе против единого врага, казаки ставили себе разные цели. Не создали и единого командования — политического и военного.

Заграницей продолжается то же самое.

За последние 20 лет у Казачества было много Атаманов и много правительств. А результат для него от такого обилия властей получился гораздо худший, чем для того дитяти, у которого было семь нянек.

Раз'единенные Казачьи Войска со всеми их правительствами, Атаманами и командованиями — враги наши легко побиты там. Раз'единенная (много Атаманов, много партий, много программ) казачья эмиграция ничего не сделает отсюда для дела скорейшего освобождения Казачества из под Московского ига. Растопыренные пальцы не страшны нашему врагу. Для такого противника «понятен» был бы только хороший казачий кулак...

ВК приняло от казачьего прошлого лучшие его национальные традиции и стремления к государственной самостоятельности, оформило и выдвинуло программу новой борьбы за освобождение Казачества и за создание единого Казачьего государства — Казакии.

И перед лицом новых больших событий мы говорим, мы взываем ко всем казакам: спасение Казачества только в борьбе за ВК программу!

И потому — осуществлению ВК программы должно быть подчинено все остальное. Все иные вопросы и интересы должны быть отодвинуты на второй план.

Чтобы Казакия была завтра, сегодня нужно об'единение Казачества, а в первую очередь его заграничного представительства — казачьей эмиграции — около программы ВК и

единое политическое командование — единое возглавление казачьей эмиграции.

В полном сознании всей тяжести взятой на себя задачи и лежащей на нас за ее решение ответственности, мы, вольные казаки, казаки националисты, в настоящий критический и решающий для судьбы Казачества момент еще раз обращаемся ко всем казакам с предостережением и призывом:

«Безпрограммных», «не занимавшихся политической» и раз'единенных — нас побити. Раз'единенное, разделенное по Войскам Казачество под командой многих Атаманов своей судьбы не отстоит, своей завтрашней борьбы не выиграет, своего исторического будущего не обеспечит.

Мы не против каждого Войска, но мы — за об'единение их в одном сильном государстве, мы — за об'единение сегодня уже казачьей эмиграции под единым политическим командованием, под единым политическим возглавлением.

Кто хочет завтра сильного Казачества, тот сегодня будет создавать сильный казачий кулак...

Да здравствует Казакия!

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть IV.

(Январь — май 1920).

Г л а в а XI.

Состояние советских армий. — Неудавшееся наступление X-ой армии через р. Маныч. — Советский шпионаж, советские агенты и «пособники». — Распределение сил на фронте. — Подготовка советского удара в Тихорецком направлении. — Отношение Верховного Круга к фронту. — Деникин — «диктатор». — Положение на верхах Донской армии. — Положение раненых и больных. — Директивы ген. Деникина и ген. Сидорина.

(Схема 3).

Выше уже было отмечено, что на второй день после занятия красными г. Ростова было приказано Конной армии Буденного немедленно перейти р. Дону для преследования казаков. Конная армия не выполнила этого приказа. Потом эта армия, поддержанная пешими и конными частями 8-ой советской армии, в упорнейших боях 5, 6, 7 и 8 января весьма настойчиво стремилась захватить Батайск, чтобы закрепиться на южном берегу р. Дона. Но, как известно, красная конница и

пехота потерпели весьма серьезное поражение и поставленной цели не достигли (глава V, схема 1).

После этих неудач, красное командование перенесло удары на нижнее течение р. Маныча. Но и здесь конные массы Буденного и Думенко, поддержанные пехотой, в кровавых боях с 13 по 20 января понесли поражение и не смогли укрепиться на левом берегу р. Маныча, как не смогло большевистское командование перевести через р. Маныч 9-ю сов. армию, а 8-ю сов. армию — не смогло вытащить на южный берег р. Дона

на участке ст. Старочеркасская — ст. Ольгинская — Батайск — г. Азов. (Глава VII, схема 2).

...«За период нашего стремительного наступления и истекших январских беспрерывных боев», говорит один из советских исследователей и участников прошлых событий Б. Майстрах, «состояние войск фронта, помимо уменьшения их боевого состава, значительно ухудшилось в отношении политико - моральной устойчивости. Неудачные бои наши на Дону и Маныче значительно понизили настроение в частях, местами возникли упадочные настроения. Потеря значительной доли боеспособности, должной стойкости в последних январских боях характерна для действовавших на Дону правопланговых VIII и IX армий».

И далее то же автор дает следующую общую характеристику причин этих явлений: «Тифозные заболевания, развившиеся до предела эпидемии, помимо значительного ослабления живых сил частей, создавали тягостное, подавляющее настроение армии. Тылы были загнаны сыпнотифозными. Быстрое продвижение войск в период декабрьского, а для X-й и части IX-й армий и январского наступления привело к чрезвычайному отрыву боевых частей от своих тылов, зачастую потерявших связь со своими дивизиями.

Снабжение войск из центра, а также эвакуация больных и раненых были совершенно расстроены. Железнодорожный транспорт работал с необычайными затруднениями; всякие перевозки по железной дороге требовали большого времени и средств. Железные дороги не могли обеспечить подвоза войскам даже огнестрельных, не говоря уже об оперативных перебросках войск и подвоза резервов. Это чрезвычайно затрудняло оперативные наши возможности. Помимо этого, значительные участки железнодорожных линий, подхлывших к фронту, разрушенные белыми при отступлении, не были нами восстановлены и обречены были на бездействие. Войска, истрепавшие свои транспортные средства, жили использованием местных средств, далеко зачастую недостаточных. Организация технической связи в войсках не была обеспечена необходимыми техническими средствами, что ставило управление армии и фронта подчас в невозможные затруднительные положения. Все это, определяя общее состояние Кавказского фронта, ставило переход войск к решительному наступлению в чрезвычайно неблагоприятные условия».

...«Для характеристики состояния наших войск», продолжает Б. Майстрах, «позволю себе привести разговор командарма VIII-й тов. Сокольников с главным командующим С. Каменевым, характеризующий состояние VIII-й армии, типичное для большинства частей фронта в целом, и отмечающий нервное настроение командования VIII-й армии, вызванное сложившейся тяжелой обстановкой и поставленной фронту в данных неблагоприятных условиях активной наступательной задачи. Командарм VIII-й тов. Сокольников выезжает в Луганск и, вызвав главнокомандующего к проводу, докладывает:

«Вам, вероятно, известно, что вследствие трудности похода, гигантской эпидемии тифа и потерь в боях части VIII-й и соседних армий в численности состава дошли до минимума. К тому же, старые бойцы заменены местными, мобилизованными и пленными. Пополнений нет. Моя 13-я дивизия, бывшая во фронтовом резерве, добралась до Новочеркасска в составе 400 штыков. Противник, вопреки ложным донесениям увлекшихся товарищей, сохранил все кадры и артиллерию. В настоящее время его организационная работа уже дает результаты. Одна за другой пополненные дивизии Доброй армии появляются на фронте. Скоро перед нами будет враг прежних сил, тогда как мы, по сравнению с прежними временами, имеем на две армии (XIII и XIV) меньше. Наше продвижение вперед без значительного пополнения и реорганизации может кончиться плачевно, так как, в случае отхода, будем иметь в тылу непроходимые разлившиеся реки. Необходима радикальная переоценка всего положения на фронте, дабы избежать чрезвычайно тяжелых поражений в ближайшем будущем».

Главкомандующий (полк.) Каменев отвечает:

«Я не переоценивал обстановки и давно **считаю ее крайне тяжелой и даже больше.** Из разговора с тов. Смильгой (член Революционного совета Кавказского фронта) убеж-

ден, что и фронтом обстановка оценивается, как **крайне серьезная**»...

(Майстрах. Маныч - Егорлыкская - Новороссийск. стр. 19-20).

Ко времени перехода конной армии Буденного из района г. Ростова в район станицы Богаевской, X-я сов. армия вплотную подошла к р. Манычу по обеим сторонам железной дороги Царицын — Тихорецкая. В состав этой армии тогда входили следующие части: 28, 20, 32, 37, 38 и 39 стрелковые дивизии, причем в тылу этой армии находились 34 и 50 дивизии (фронтовой резерв вместе с 39 див.).

Среди частей X-й армии особенно отличалась 20-я стр. дивизия. «Укомплектованная большим числом рабочих и добровольцев Ленинграда, Центрального промышленного района, Поволжья и Урала, спаянная мощной партийной организацией с испытанным в боях командно - политическим составом, прошедшая большую школу в операциях Восточного, Туркестанского и Юго-Восточного фронтов, (эта дивизия) действительно представляла собой значительную силу; боевой состав дивизии при достаточной технике вооружения — пулеметах и артиллерии — являлся также наибольшим по сравнению с другими частями X-й армии» (там же, стр. 38).

Отдохнув в течение недели на правом берегу р. Маныча и приведя себя в полный боевой порядок, X-я сов. армия, воспользовавшись большими морозами, сковавшими льдом Маныч, 20 января перешла в наступление через эту реку вдоль жел. дороги в направлении на Торговую. 20-я див. наступала по линии жел. дороги.

В начале наступления X-я армия имела успех: на северо - запад от перекрестка жел. дороги и р. Маныча красные нанесли Кавказской стрелковой дивизии громадные потери и отбросили ее к зим. Трубецкого; к юго - востоку от жел. дороги 32 сов. див. красных заняла было Ново - Манычское и Бараниковское.

Однако, на жел. дороге 20 сов. дивизия нарезалась на кубанских пластунов, которые не допустили ее к селам Шабалиевке и Екатериновское, что лежат в 5 - 10 верстах на запад от р. Маныча. После жестокого и упорного боя, продолжавшегося целый день, 20-я стр. дивизия была отброшена кубанцами на правый берег р. Маныча.

В тот же день кубанцы выбили красных из зимовника Кузнецова и погнали их в сторону Казенного моста.

22-го января «1-я Кубанская дивизия с 4-м и 8-м кубанскими пластунскими батальонами после упорного боя выбили красных из селений Бараниковского и Ново - Манычского» (оперативная сводка).

Таким образом, на всем фронте наступления X-й сов. армии красные дивизии были разбиты и отброшены на правый берег р. Маныча.

В целях более широкого использования этой победы командующий Кубанской армией решил перейти в наступление через Маныч и просил командующего Донской армией оказать кубанцам помощь на левом фланге силами 14-й Донской конной бригады. Но «начальник штаба Донской армии не согласился с этим, полагая, что, в виду предстоящей операции (общего наступления в Новочеркасском направлении), нельзя изматывать части для операций, не сулящих положительных результатов» (журн. в. д. Дон. армии). Тем не менее, через 4 дня Кубанская армия получила приказ перейти в общее наступление через р. Маныч (об этом ниже).

На этом примере, как и на многих подобных, видно, какой **большой вред казачьему делу приносило то, что в действительности не было единого КАЗАЧЬЕГО командования всеми казачьими вооруженными силами.**

Разбитые на левом берегу Маныча дивизии X-й сов. армии, отступив за эту реку, получили там полную возможность привести себя в порядок, пополниться и отдохнуть, чтобы через неделю, 1-го февраля, перейти в новое, теперь уже успешное, наступление.

В то время, когда кубанцы отбрасывали X-ю сов. армию за Маныч, важные события произошли недалеко от впадения этой реки в р. Дон: славные донцы конной группы распорядительного и храброго ген. Старикова, действуя совместно со 2-й Дон. дивизией, 21-го января разгромили 12-ю сов. дивизию красных в районе станицы Старочеркасской и остатки ее отбросили к ст.

Аксакой. При этом в руки казаков попало свыше двух тысяч пленных, несколько десятков пулеметов, много боевых припасов, винтовок и телефонного имущества...

Таким образом, все попытки 1-й Конной, УШ-й, IX-й и X-й советских армий в январе 1920 г. перейти реки Дон и Маныч окончились полной неудачей. Лучшая во всей советской армии конница Буденного и пехота — 20-я стр. дивизия, бывшая Пензенская, 33-я и 40-я стр. дивизии — понесли жестокое поражение. Красные войска, потерпев неудачи в своих попытках продвинуться вперед через реки Дон и Маныч, морально и физически сильно подорванные, имея в тылу казачий Дон, беспомощно остановились...

«Красная кавалерия истекает кровью в неравных боях, конский состав уменьшился вдвое и приходит в полную негодность... Только безотлагательные, экстренные меры могут спасти положение», жаловался Буденный по проволоке в Москву 20 января (глава VII).

Вновь в русско - казачьей борьбе наступил поворотный момент.

Поднимись тогда все Казачество мощной, высокой волной; дружно, сильно и смело ударь по большевистским ослабленным армиям на реках Маныче и Доне, как было оно красных на р. Дону и в Донецком бассейне в феврале - марте 1919 г., и — полетят красные супостаты с Казачьих Земель, как летали они уже в 1918 и в 1919 годах, и освободятся от красной напасти измученные большевистским террором родные станицы и хутора... Светлый, согревающий луч свободы вновь радостно засияет над вольной Казачьей Землей и осушит материнские, отцовские, вдовьи и сиротские слезы... Загудят радостные колокола в церквях, возвещая освобождение Казачества от нашествия Северян...

Будь у Казачества единая казачья, а не русская цель борьбы; будь у казаков единая воля и единое казачье, а не русское руководство, не удержались бы красные на Казачьей Земле...

Но, запуталось тогда Казачество между красной и белой Россией. В те решающие, роковые дни Верховный Круг, как бы замыкая круг непоправимых ошибок казачьей политики 1917 - 1920 г. г., заключал соглашение с ген. Деникиным, приводя в уныние подавляющее большинство кубанских казаков, совершенно не желавших сражаться за Россию. А между тем, на долю именно кубанских казаков выпадал жребий дружным ударом изменить в казачью пользу положение на реках Маныче и Доне...

Большевистская власть и большевистское командование очень хорошо были осведомлены о том, что происходило в тылу казачьих армий. Большевики знали, что антиденикинскими восстаниями охвачены Дагестан и Чечня, большие районы Ставропольской губ., вся Черноморская губ., что в районе между ст. Крымской и Екатеринодаром растет «зеленое» движение... С своей стороны, большевистское правительство всеми мерами и способами старалось вызывать такие восстания в тылу у своего противника.

У большевиков прекрасно был поставлен военный шпионаж и военная разведка, которые давали им в руки необходимые данные о расположении сил противника, о планах белого командования, о передвижениях войск и т. д.

Шпионская большевистская организация существовала даже в Донской армии. В официальных документах этой армии находится следующее сообщение: «26 января 1920 г. В 4-м Конном корпусе открыта **шпионская организация красных**. «Наштарм Дон, копия Контраст Дон. Присланный в Корпус из Санитарного отдела врач **Маслов** оказался **агентом красной армии**; будучи уличен, показал, что район Батайск - Веселый обдувается четвертым отделением, с центром в Кагальницкой. Всего членов двадцать. Документами санитарного отдела снабжаются из Санитарного отдела Штарм Дона. Необходим арест помощника делопроизводителя начальника военно - санитарного отдела — с... Маслова, сотника Куфачева и хорунжего Ожогина, имеющих также документы врачей, и в Батайске — комиссара Атмаченко. Самозванец Маслов высылается срочным порядком. Жена Маслова временно будет задержана в Корпусе. Организация открыта подесаулом Ф. Нр. 0347 Хут. Проциков. Подписал ген. Калиновский».

Этот документ, вне сомнения, говорит о том, что большевистская шпионская организация в Донской армии имела хорошо налаженную сеть шпионов.

Можно бы привести целый ряд данных, говорящих о том, что большевистский шпионаж был поставлен широко в тылу казачьих армий и нити его иногда тянулись к самым высоким местам.

Такие важные вопросы, как вопрос о ходе мобилизации, о пополнениях, направляемых на фронт, о ходе дела организации Кубанской армии, о снабжении армии и т. д. обсуждалось в штабах Донской и Кубанской армий, в штабе ген. Деникина, в военной комиссии Верховного Круга, в правительствах Донском, Терском и Кубанском... Все это создавало весьма трудные условия для сбережения военной тайны... И неудивительно, что даже в редакции официального органа Верховного Круга — «Вестнике Верх. Круга» были поражены осведомленностью большевиков о всем, происходящем в тылу казачьих армий. Этот факт зафиксирован на страницах этого печатного и публично выходившего органа; в номере его за 15 февраля 1920 г. находим следующее: «Советские газеты Ростова и Новочеркасска: «Советский Дон», «Красный Дон», «Известия», «Коммунист», «Красноармеец» и др. поражают своей осведомленностью о том, что делается у нас в тылу»...

Хотя провинциальные большевики, чтобы похвалиться перед красной Москвой своей работой в пользу коммунизма и Москвы, очень часто о своей деятельности в тылу или в армии противника пишут много неправды и поэтому к их данным необходимо относиться с большою осторожностью, все же следует отметить то, что в номере 3-й за 1922 г. журнала «Путь Коммунизма», издававшемся в Екатеринодаре Кубано - Черноморским областным Комитетом Российской коммунистической партии, опубликовал Вл. Черный (куб. казак, коммунист) по ныне разбираемому нами вопросу:

... «В первой половине января через тов. Змионку у нас установились связи с двумя ответвлениями Кубанской власти — с военным министром ген. Болховитиновым и левой частью Рады. Ген. Болховитинов, когда-то еще в начале организации Красной армии являвшийся членом Высшего Военного Совета Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, на каком - то фронте попал в плен к Деникину, был судим и разжалован в рядовые. Позже на белом фронте он восстановил свои права, но тем не менее был гоним Деникиным, числился в разряде опальных».

И далее тот же Вл. Черный говорит: «В последнее время, когда поражение Деникина было очевидно и когда наблюдался кризис в военном ведомстве (Кубанского) Краевого Правительства, ему (ген. Болховитинову), было предложено занять пост министра. Он, по **нашему совету**, переданному через тов. Змионку, принял этот пост. Часто тов. Змионку передавал нам, с какою ненавистью он отзывался о добровольческой армии, не изменно сопровождая свою речь эпитетами: «Сволочь, хулиганы, грабители».

«**Должен отметить**», говорит далее В. Черные, «**что все наши поручения, в частности мои, как начальника Северо - Кавказского Военно - Революционного Штаба, передаваемые ему в письменном виде, он выполнял точно и безоговорочно**... И т. д. (стр. 137 названного выше коммунистического журнала).

П. Сулятицкий — бывший член того самого Кубанского Правительства В. Н. Иваниса, в состав коего, в качестве военного министра, входил вышеуказанный генерал Болховитинов, уже в 1931 г. подтвердил, что ген. Болховитинов действительно работал в пользу большевиков, входя в состав Кубанского Правительства. «Бачучи, — ген. Болховитинов був людини розумна, — що справа ген. Деникіна луснула і не бажачи, щоб Кубанський Край відділявся від Росії, він (Болховитинов) **усе робив, щоб над ним (над Кубанью) запанували большевики та ще й по можливості з меншим проліттям «русской крови»**, утверждает коллег ген. Болховитинова по Кубанскому правительству («Кубанский Край». Орган неперіодичний. УШ. Прага, 1931. Стаття П. Сулятицького: «Від розгрому Ради до капітуляції Кубанської армії», стр. 29 - 30).

Так как журнал «Кубанский Край», в котором П. Сулятицкий поместил вышеприведенные сведения о предательской работе ген. Болховитинова, издавался в Праге группой кубанцев, к активным членам которой

принадлежал и бывший председатель Кубанского правительств В. Н. Иванис, нужно полагать, что и последний подтверждает вышеприведенную характеристику противоказачьей работы Кубанского военного министра ген. Болховитинова.

Если считать установленным факт участия военного министра Кубани, **не-казака**, ген. Болховитинова в большевистской работе в глубоко казачьем тылу, можно представить, какие широкие возможности открывались перед советской властью в смысле своевременного раскрытия намерений и планов противника и в смысле внесения полной дезорганизации и путаницы в сложное и ответственное дело организации Кубанской армии.

Союз с русским «белым» ген. Деникиным убивал душу Кубанского казака, а пребывание союзника красной России, ген. Болховитинова, на чрезвычайно важном посту военного министра Кубани, вне сомнения, тормозило, если только не делало совершенно невозможной, скорейшую организацию вооруженных сил для отражения большевистского нашествия на Казачьи Земли. Уместно будет отметить и то, что помощником военного министра ген. Болховитинова был тоже не казак, полк. Морозов, который потом сыграл такую видную роль в деле сдачи большевикам Кубанской армии на Черноморском побережье в апреле 1920 г. Начальником Штаба Кубанской армии был ставленник ген. Деникина, не кубанец, ген. Стогов (гл. VI).

Долю казаков решали не казаки, при чем и русские белые и русские красные сходились в своем резко отрицательном отношении к основному стремлению Казачества — построить свое государство, и те и другие имели своих людей на ответственных постах в казачьем государстве.

Были и другие серьезные причины, в значительной мере облегчавшие большевистскому командованию, как выработку нового плана наступления советских армий Кавказского фронта, так и успешное проведение этого плана в жизнь.

Ни ген. Деникин, ни Донское командование не обратили должного внимания на защиту Тихорецкого направления. Выше было уже отмечено, что когда на совещании на станции Сосыка 15 января 1920 г. был поднят вопрос об этом направлении, ген. Деникин категорически заявил, что он этому направлению «не придает особого значения даже в том случае, если бы здесь пришлось временно и осадить — главное направление это к политическому центру Дона» (см. гл. VI).

Донское командование вполне согласилось с точкою зрения Деникина. Больше того: как утверждает быв. военный корреспондент Г. Н. Раковский, пользовавшийся особым доверием и расположением со стороны ген. Сидорина, вследствие чего имевший возможность посещать тогда Штаб Донской армии, тыловые ее учреждения и даже те или иные участки фронта, — «у донского командования возник план, который был одобрен командирами корпусов Донской армии: в виду нездорового, полубольшевистского настроения на Кубани, предоставить кубанцам испытать прелести советского рая, а самим (донцам), не взирая на действующего в тылу Буденного, двинуться самым решительным образом на север» (Раковский. В стане белых, стр. 95).

В двадцатых числах января 1920 г. в штабе Деникина и в штабе Донской армии было достоверно известно, что большевистское командование накапливает значительные силы на Ставропольском направлении в районе сел Дивного, Дербетовского, Винодельного. Вследствие этого, часть сил Кубанской (Кавказской) армии перебрасывалась с Великокняжеского на Ставропольское направление.

В связи с этим ослаблением фронта Кубанской армии, командование этой армии просило штаб Донской армии о занятии силами донцов участка фронта по р. Манычу от железной дороги Великокняжеская - Торговая до Казенного моста. Ген. Сидорин условно согласился с этой передачей, но начальник его штаба, ген. Кельчевский, «не согласился на принятие этого участка и только отдал приказание командиру 1-го Донского корпуса оказывать содействие левому флангу Кавармии по обеспечению за нами железнодорожного узла Торговая, нанося противнику короткие удары в случае переправы его через Маныч к северу от железнодорожной

линии Великокняжеская - Торговая» (журн. воен. действий Дон. армии).

Вследствие того, что Кубанская армия не имела возможности занять этот участок фронта достаточными силами, эта часть фронта, общим протяжением около 20 - 25 верст, на стыке Донской и Кубанской армий в действительности была очень слабо защищена.

Этим воспользовалось большевистское командование, направив в этот разрыв 1-ю Конную армию Буденного.

В это время Добровольческий корпус занимал фронт от г. Азова до Батайск (включительно), общим протяжением около 35 верст, Донская армия — от ст. Ольгинской (включ.) по р. Дону вверх до устья Маныча и далее вверх по Манычу до зимовника Янова (включ.), всего длиной около 125 - 130 верст. В общем же фронт Добровольческого корпуса и Донской армии, находившихся под командованием ген. Сидорина, занимал линию около 160 - 165 верст (схема 3).

Согласно данным штаба Донской армии, к 1-му февраля 1920 г. на этом фронте было 47.458 бойцов, 259 орудий, 381 пулемет; кроме того, в разных командах и т. п. было 10.542 чел. Или — на одну версту фронта приходилось 316 бойцов.

По тем же данным к тому же времени против этого фронта располагалось 54 - 55 тысяч красных бойцов и 253 - 257 орудий, или на одну версту фронта приходилось в среднем 366 бойцов.

Фронт на юго - восток от перекрестка жел. дор. Царицын - Тихорецкая и р. Маныча до района селения Дербетовского, общим протяжением около 150 верст, защищался силами Кубанской (Кавказской) армии. О боевом составе этой армии мы, к сожалению, не имеем данных ни из штаба Кубанской, ни из штаба Донской армий, ни из штаба Деникина. Советские источники силы этой армии определяют в 9.681 штыков, 6.110 сабель, 122 орудия, 366 пулеметов, или на одну версту фронта около 106 бойцов.

Согласно советским данным, на фронте от ст. Манычской до Соляных Озер красные имели на 1 версту около 175 бойцов. (Гражданская война 1918 - 1921, т. III, стр. 294, 297).

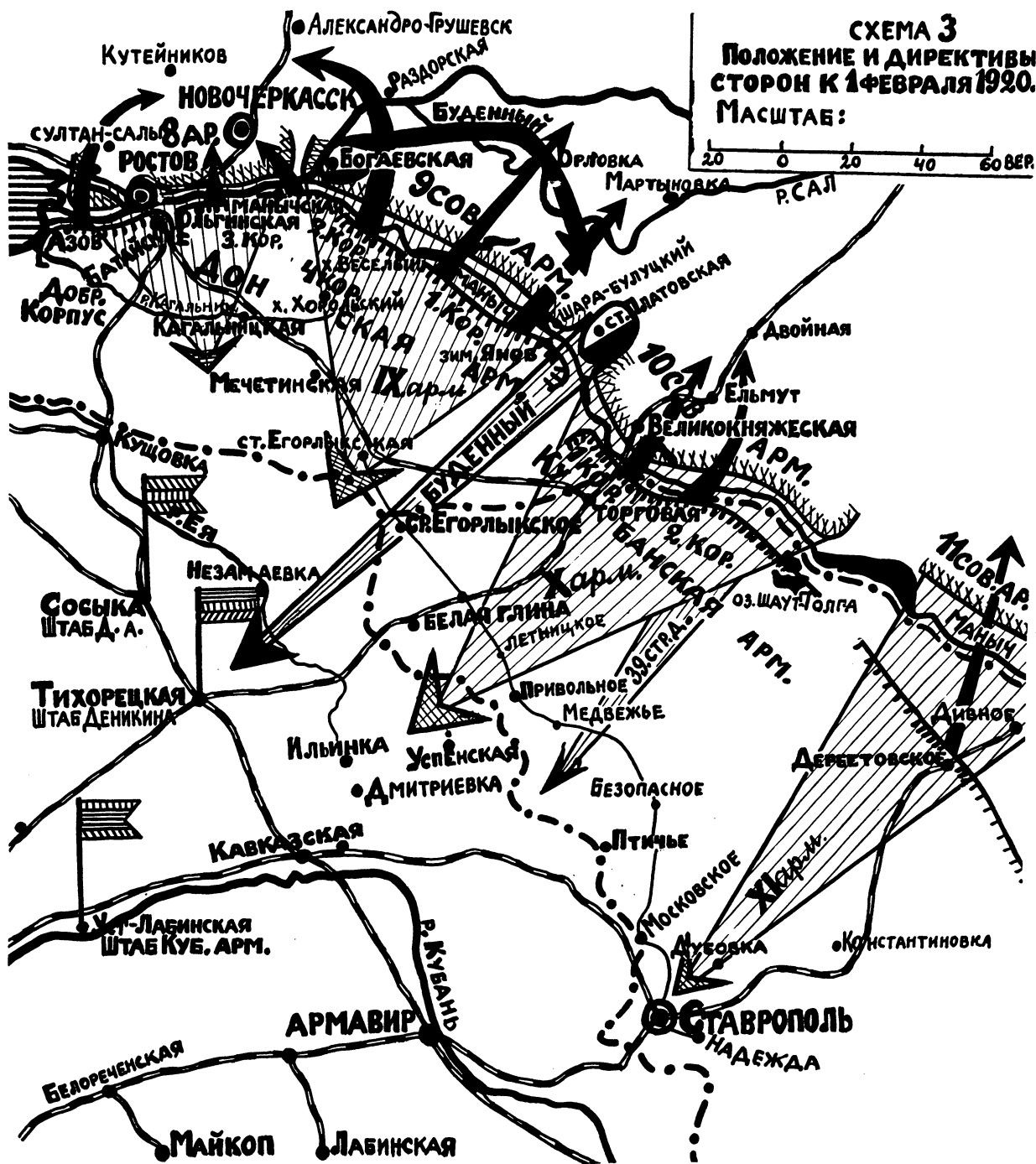
Далее идущий по Ставропольской губ. участок фронта от района селения Дербетовского до района Св. Креста, общим протяжением около 150 верст, не был прикрыт достаточными силами.

Кубанская (Кавказская) армия сравнительно слабыми силами должна была защищать в общем около 300 верст фронта — Казенный мост — Дербетовское — Св. Крест. Главная группа сил этой армии находилась в районе Шаблиевка — Екатериновка — Ново - Манычское — Бараниковское.

Надо сказать, что, хотя и с большими затруднениями и очень медленно, но все же дело организации Кубанской армии продвигалось вперед: посылались пополнения на фронт; на территории Кубани закончил свою реорганизацию 2-й Кубанский конный корпус, состоявший из 2-й и 4-й казачьих дивизий, и выступил на Манычский фронт во главе с ген. В. Науменко. Командующий Кубанской армией ген. Шкуро в конце января произвел смотр этому Корпусу и нашел, что «Корпус представлял в блестящем боевом порядке и можно смело сказать, что он является гордостью Кубани» («Вестник Верх. Круга» за 2 февраля 1920 г.). В периоде организации находился 3-й Кубанский корпус; в распоряжении всех атаманов отделов Кубани было собрано значительное число казаков...

Учтя положение, как на фронте, так и в тылу, советских армий, так и положение фронта и тыла армий Казачьих, новый командующий противоказачьим фронтом, Тухачевский, решил «нанести удар главными силами фронта в стык Донской и Кубанской армий из района Платовская — Великокняжеская в Тихорецком направлении».

«Новое операционное направление главного удара, избранное Тухачевским», говорит Б. Майстрах, «выводило наши силы во фланг и тыл основной группировки противника, сосредоточенного в районе Батайск — Хомутовская — хут. Веселый, что представляло возможность, при соответствующей быстроте наступления, прижать ее к Азовскому морю и, уничтожая ее си-



лы по частям, не дать прорваться на Кубань и Северный Кавказ. Наступление наших войск в Тихорецком направлении угрожало пересечением главных коммуникационных путей противника, захватом важнейших узлов сообщений. Это приводило к полному разгрому белого тыла, нарушало управление войсками, прекращало снабжение «вооруженных сил юга России» союзниками, грозило быстрым овладением экономической базой, — жизненным районом, питавшим армию Деникина, — Кубанской областью...

«Театр действий благоприятствовал смелым и широким маневрам. Намеченный для прорыва Деникинских фронтов участок у ст. Платовской и Великокняжеской, на стыке Донской и Кубанской (быв. Кавказской) армий являлся наиболее уязвимой точкой фронта. Армейский стык не был белыми надежно обеспечен, почему прорыв на этом участке не представлял для нас особых затруднений. Прорывавшиеся наши силы отрывали Кубанскую армию от Донской, вклиниваясь между ними. Ку-

банская же армия, будучи изолирована от остальных сил, как наиболее слабая армия Деникина, численно и политически, лишенная поддержки донцов и «добровольцев», связанных на Ростовском направлении, — была бы по частям разбита в короткий период в силу такого удара Кавказского фронта. Ликвидация Кубанской армии обеспечивала организацию последовательных ударов на ших главных сил во фланг и тыл Донской и Добровольческой армиям» (выше цитированная работа Б. Майстраха, стр. 27).

25 января Тухачевский приказал Конной армии Буденного приостановить дальнейшие безнадежные попытки прорвать казачий фронт на нижнем Маныче. 27-го января Тухачевский отдал следующую директиву № 19/оп:

«1. УП-й армии — к 29 января (11 февр. нов. ст.) удлинить свой левый фланг до ст. Манычской включительно.

2. Конной армии — **форсированным маршем через Сусатский - Комаровский прибыть в район Шарабулакский — ст. Платовская.**
3. IX-й армии, — в состав которой включается Конный корпус Думенко и стрелковая дивизия (21-я, временно переданная Конармии, и 14-я див., — **сосредоточить главные силы, не менее четырех дивизий, в районе Садковский — Дальний — зимовник Балабин.**
4. X-й армии, — в состав которой включаются дивизии фронтового резерва (34-я, 39-я и 50-я стрелковые), **сосредоточить главные силы, не менее шести дивизий, в районе Гремучий Колодезь — Великокняжеская — зим. Курочкин.**
5. XI-й армии — **правофланговой группой занять исходное положение для атаки гор. Ставрополя»...**

Все намеченные этой директивой перегруппировки должны были быть закончены к 1-му февраля.

Красные армии Кавказского фронта энергично взялись за подготовку к генеральному наступлению. Главное внимание было обращено на реорганизацию X-й сов. армии, так как на эту армию и на конницу Буденного возлагалась ответнейшая задача. Во-первых, в X-ю армию из XI-й сов. арм. перебрасываются 50-я и 34-я стр. дивизии, а 39-я из резерва переводится в боевую линию; во-вторых, были расформированы 37-я и 38-я стр. дивизии и Доно - Ставропольская кавалерийская бригада этой армии и бойцы из этих дивизий влиты в состав других дивизий X-й армии; в-третьих, были до минимума сокращены тыловые учреждения... Все это делалось для того, чтобы общее число штыков в боевой линии довести до 29 тысяч, как говорилось в приказе командующего этой армией.

Красное командование хорошо было осведомлено о решении белого командования перейти в наступление с целью захвата Новочеркасска и Ростова. Поэтому Тухачевский спешил предупредить наступление противника, чтобы, захватив инициативу боевых действий в свои руки, расстроить планы Сидорина - Деникина.

30 января Тухачевский отдал следующую директиву:

«Противник продолжает оставаться пассивным. По показанию пленных, его части получают пополнение. Из перехваченных документов выясняется, что разграничительные линии между Донской и Кавказской армиями за последнее время были: Белая Глина — Средне Егорлыкское — зимовник К. Королькова — Казенный Мост. Наши войска выполняют приказ 19/оп; армиям фронта приказываю:

- 1) УШ-й армии, нанося главный удар на Кагальницкая, в ближайшие дни овладеть течением р. Кагальника;
- 2) IX-й армии, нанося главный удар на пос. Новороговской, 6-го (19) февраля выйти на линию Ново - Протопоповская — пос. Ново - Роговской.
- 3) Конной армии, **разрывая и сбивая фланги Донской и Кавказской армий противника, прорвать 8-го (21) февраля в район станций Тихорецкая.**
- 4) X-й армии, отрезывая пути отступления Кавказской армии на Армавир, **6 (19) февраля достигнуть районов Белая Глина — ст. Успенская. Выслать X армии боковой отряд на Ново - Александровская — Ново - Троицкая для связи с XI-й армией.**
- 5) XI-й армии **правофланговой группой в ближайшие дни овладеть районом Ставрополь — Армавир.**

Разграничительные линии... **Наступление начать одновременно всеми наличными силами, не ослабляя себя излишними резервами; действовать плотными ударными группами»** (Схема 3).

По замыслу красного командования на фронт Кубанской армии на р. Маныче должна была наступать X-я сов. армия, состоявшая не менее, как из 23 тысяч шты-

ков и 3.300 сабель. (Гражд. война, т. III, Майстрах, Маныч — Егорл. — Новорос.).

Сверх того, против левого фланга Кубанской армии, из района ст. Платовской, направлялась Конная армия Буденного в составе около 10 тысяч сабель, а на Ставрополь — Армавир наступала правофланговая группа XI-й сов. армии в составе не менее 5-6 тысяч бойцов (сводки).

Всего на фронт Кубанской армии наступало не менее 42 тысяч красных бойцов, на фронте длиной не менее 200 верст.

Главная ударная группа красных войск состояла из X-й и Конной армий, насчитывавших не менее 23 тысяч пехоты, более 13 тысяч конницы, при 180 орудиях и 740 пулеметах. Эта ударная группа в исходном положении занимала около 60 верст фронта и направлялась в общем на Тихорецкую, т. е. при тех объективных условиях в сторону наименьшего политического и военного сопротивления.

Остальные две советские армии — IX-я, в составе 11.300 штыков и 4.900 сабель (Думенко), и УШ-ая, в составе 23.500 штыков и 1.300 сабель, а всего около 35 тысяч штыков и свыше 6 тысяч сабель, должны были отбросить Донскую армию и Добровольческий корпус от р. Маныча и р. Дона.

Обратимся теперь к рассмотрению плана генерального наступления, принятого «белым» командованием.

Как мы знаем, представитель Англии, снабжавшей антибольшевистский фронт вооружением, — ген. Хольман, с своей стороны, сделал все, чтобы не допустить разрыва между Казачеством и генералом Деникиным (гл. III).

Донской Атаман ген. А. Богаевский, Терский Атаман ген. Вдовенко, председатель Донского Войскового Круга В. Харламов, председатель Терского Войскового Круга Губарев, председатель Донского Правительства Мельников, председатель Терского Правительства Абрамов, командующий Донской армией ген. Сидорин и командующий Кубанской армией ген. Шкуро широко использовали все свое влияние в том направлении, чтобы склонить Верховный Круг Дона, Кубани и Терека к соглашению с ген. Деникиным.

Верховный Круг пошел на компромисс и сделал все, что от него требовали тогдашние военные руководители казачьих боевых сил для обеспечения успешной борьбы на фронте: во главе гражданского и военного управления был оставлен ген. Деникин с правами диктатора, остались на своих местах командующий Донской армией ген. Сидорин и командующий Кубанской армией ген. Шкуро (оба горой тогда стоявшие за ген. Деникина), правительственная власть осталась в руках исключительно угодных Деникину русских людей, казаки самостоятельными не были допущены в состав Южно - Русского правительства.

Кроме того, Верховный Круг объявил самую широкую амнистию красноармейцам — гражданам Дона, Кубани и Терека и обратился к населению с особым манифестом, призывая всех боеспособных людей стать в ряды бойцов на защиту Родных Земель.

Круг сделал все, чтобы под власть Деникина подвести формальный и моральный фундамент поддержки со стороны законных представителей казаков, горцев и иногородних, и 30 января Верховный Круг прервал свои работы, как бы очищая широкий вольный простор для действий военных и гражданских властей.

В полном соответствии со смыслом и духом этой политики действовали Кубанский Атаман ген. Букретов и Кубанское правительство В. Иваниса: восстание казаков вблизи столицы Кубани, руководимое членом Краевой Рады Пилуком и имевшее целью добиться полного разрыва с ген. Деникиным, было ликвидировано применением оружия, порки и виселицы; по станциям Кубани были посланы карательные отряды, а Кубанский Атаман сам ездил по станциям с призывами к казакам подняться на защиту Кубани...

С своей стороны, ген. Деникин издал знаменательный приказ, датированный 23 января 1920 г. — днем издания Верховным Кругом Закона об амнистии и Манифеста (глава VIII). Приказ Деникина гласит:

«Противник в последних боях понес ряд тяжелых поражений; лучшая его конница разбита, дух его войск

надломлен. Каждый решительный удар сулит нам верный успех. Но мало одной победы оружием. Недавно мы были у Орла, но ряд тяжелых ошибок привел нас вновь на Кубань. Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужна победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения фронта и развала тыла насилия и грабежи. В освобожденных от насильников областях народ с восторгом встречал наши войска; но многие вели себя не лучше большевиков и массы от них отвернулись, а без опоры на народ никакая борьба не возможна. Будем же являть собой пример безукоризненной честности и рыцарского отношения к славым.

«Пусть ни один упрек не будет брошен в лицо борцов за освобождение и поправное право народа. Если начальники не возьмутся сразу за искоренение этого зла, то новое наступление будет бесполезно и дело рухнет. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они не занимали. Помните, что нельзя грязными руками брать за святое дело освобождения от насильников нашей многострадальной Родины России.

Прочсть во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях.

Генерал — лейтенант Деникин.

Появление этого приказа побудило одного из офицеров штаба Донской армии вновь остановиться на тех непорядках, которые царствовали в армии на верхах и губили усилия и кровавые жертвы бойцов на фронте: ... «Как подвинуть дело вперед, имея, например, таких начальников на высоких постах, как, например, Санитарный инспектор, который, представляя командующему сведения к 24 января к предстоящей наступательной операции о расположении санитарных учреждений, показывает их в Великокняжеской, ст. Платовской, сл. Мартыновке, т. е. в пунктах, которые были заняты противником еще в десятых числах января; неудивительно, что у такого начальника больные и раненные тысячами по месяцам лежат на станциях в ожидании отправления и не многим из них удается дожидаться этого отправления (Чертково зимой 19-20)... В деле эвакуации Санитарный инспектор имеет достойного соратника в лице Начальника военных сообщений ген. Кондратьева, которого дела «сообщения» волнуют гораздо меньше, чем хорошо сервированный стол с выпивкой.

«Невозможно здесь привести все факты, рисуящие безотрадную картину состояния санитарного (дела) и работы железных дорог, но каждый современник, будучи опрошен, скажет, как все было плохо; что все это было известно командующему армией (ген. Сидорину) и все же эти люди продолжали стоять у столь ответственного дела.

«Является также совершенно непонятным, как полк. Мержанов, стоявший во главе многомиллионного дела на должности заведующего авточастью и проявивший себя с самой отрицательной стороны, — по удалении с этой должности попал в генералы для поручений при командующем (ген. Сидорине); достаточно сказать, что во время заведывания его (полк. Мержанова) авточастью фронт буквально не имел покрышек к машинам и таких ценных и трудно доставаемых частей, как магнето, карбюраторы и прочее — в Новочеркасском же складе станы ломились от запасов этих предметов. И когда в Новочеркасске к пишущему эти строки, 24 декабря, накануне падения Новочеркаска, пришли офицеры, на попечение коих был передан склад, во время бежавшими подлежащими чинами, эти офицеры докладывали, что они даже во время русско-германской войны не видели ни одного такого богатого покрышками склада, и все это надо было бросить и бросали.

«Заведующий авточастью имел для личных разездов несколько (3-5) прекрасных машин, но ни один командир корпуса (Донской армии) не получил от авточасти порядочной машины для того, чтобы объезжать фронт; если Комкоры имели хорошие машины, они обязаны были расторопности своих комендантов, бережли вости органов хозяйства, а чаще доблести своих частей, которые отбивали машины у красных...

«Можно привести тысячи таких фактов... Больно смотреть, что для поднятия духа армии и тыла — пишутся приказы, передвигаются войска, меняются прави-

тельства, раскаиваются в содеянных каких-то ошибках... Дело просто: раз не будут подобраны искренние помощники, если сам (ген. Сидорин) не исправится, дело не тронется с места, как не поверни.

«Если фронт и двинется вперед, все же рано или поздно все налипшее к ногам армии мерзкое, бесчестное, бездарное выматает силы армии, высосет ее сердце и она волей-неволей покатится назад...

... «Если бы в настоящий момент командующий жестокими мерами, не останавливаясь перед повешением десятка преступников, занимающих высокие посты или спекулирующих в тылу, привел все это в порядок, только бы вывез с фронта всех больных и раненных и добился бы человеческого их размещения, он заслужил бы такую известность и уважение, какой не пользовался ни один из вождей эпохи гражданской войны.

«К сожалению, командующий и не талантлив и, тем более, не гениален, а кроме того, назначен не по заслугам, а по принадлежности к партии, вождь которой — председатель Войскового Круга» (журн. в дейст. Дон. армии).

Это — свидетельство человека, непосредственно видевшего то, что делалось на верхах Донской армии.

В заседании Верховного Круга 30 января 1920 г. (см. гл. VIII), начальник санитарной части вооруженных сил Юга России, полковник Шереметьев, между прочим, доложил следующее:

... «С глубоким волнением я выступаю перед вами, господа хозяева земель и войск Донского, Кубанского и Терского. Санитарное положение в настоящее время зашло в грозный тупик. Санитарная служба потеряла свое нравственное основание: уверенность бойца, что в случае его ранения или его болезни, ему будет сделано все возможное для оказания помощи...

... «Итак, вторая грозная причина это то, что армия тает быстрее, чем поступает пополнение. Число невывезенных раненных и больных на фронте может стеснять даже боевые операции. Напряжение санитарной службы со времени очищения Харьковского и Воронежского районов чрезвычайное...

«В настоящее время на территории, занятой вооруженными силами Юга России, находятся 33 тысячи обмундированных мест, а больных и раненных всех более 48 тысяч человек... Картина на фронте ужасающая: больные и раненные лежат в повалку, в каждом маленьком помещении, без медицинского ухода и в последнее время почти без прокормления и так сказать с ужасно слабой эвакуацией...

... «Могу свидетельствовать, что раненные и больные обморачивались в санитарных поездах. Не говорю о тех страданиях бесконечных, которые это доставляет, но это вопрос настолько вызывает негодование, что при отходе поездов постоянно слышишь: «Неужели для того мы сражаемся, чтобы лежать здесь и мерзнуть в то время, когда в городе все греются»...

«В силу того же отсутствия топлива нельзя мыть белье. Хирургические госпитали уменьшили прием потому, что нет чистого белья, нет дров даже для стирки... Это же отсутствие топлива совершенно остановило дезинфекцию. При теперешней завшивости необходима дезинфекция...

... «На станциях нет кипяченой воды...

«В настоящее время необходима ваша поддержка. Это и есть последняя надежда для спасения тех, которые находятся в ужаснейшем положении на фронте — НАШИ БРАТЯ. Это нужно не только с точки зрения человеколюбия, но это нужно с точки зрения боевой...

«Я получил от начальника штаба Кубанской армии телеграмму о том, что вследствие забитости станций невозможно производить операции, пока раненных не вывезут...

«Затем нужна твердая власть, а в тылу она отсутствует».

Летом и осенью 1919 г. ген. Деникин рвался в Москву. О должном устройстве тыла русская «белая» власть не позаботилась. И теперь раненные и больные воины находились в таких невыносимо тяжелых условиях.

В том же заседании Верховного Круга с докладом выступил член Кубанского Краевого Правительства по здравоохранению — врач Ледомский. Из его доклада приведем некоторые места:

... «В прошлом году зимой точно также была эпидемия сыпного тифа и возвратного; в Кубанском Крае

были десятки тысяч больных, которые содержались в лазаретах достаточно хорошо оборудованных. С продвижением армии вперед все кровати были свернуты, как ненужные для Кубанского края, и движуты за армией вперед. Здесь (на Кубани) госпиталей почти не осталось...

«И когда разразилась катастрофа на фронте, когда началось катастрофическое движение больных и раненных на Кубань, то перед Кубанским правительством стала неотложная и грозная задача — немедленно организовать помощь больным и раненым. Кубанское правительство в течение двух недель развернуло в крае 12000 кроватей и в настоящее время эти кровати уже заполнены. С течением времени было развернуто еще около трех тысяч кроватей. Все, что было у ведомства здравоохранения — все запасы санитарного имущества и оборудования, все было истрачено на оборудование этих кроватей — этой непредвиденной необходимости, которую пришлось удовлетворять экстренно...

«Кубанскому Правительству с болью приходится разрушать культурные очаги, разрушать учебные заведения, но это оно делает, не останавливаясь перед этим, дабы дать возможность создать новые госпитали» («Вестник Верховного Круга» за 1 февраля 1920 г.).

Кубанское Краевое правительство постановило реорганизовать в срочном порядке под лазареты женскую учительскую семинарию, Войсковое реальное училище, Торговую школу, Народный дом, 42 городское училище, дом Викторова, Коммерческое училище во всем его объеме... Постановило прекратить демонстрацию картин во всех биографиях Екатеринодара и биографы представить тем лицам и учреждениям, которые будут выселяться из зданий, наиболее пригодных для ведомства здравоохранения...

Донское командование довольно хорошо было осведомлено о тяжелом состоянии фронта и тыла красных. После разгрома конницы Буденного в боях на нижнем Маныче 19 января (гл. VII) донское командование не преследовало совершенно расстроенную красную конницу. По этому поводу ген. Деникин высказал следующее суждение: «Если бы Донская конница не приостановила (тогда) преследования, мог бы произойти перелом во всей операции» (Очерки рус. смуты, т. У-й, стр. 317).

Все же 20 января командующий Донской армией приказал всем Донским и Добровольческому корпусам: «готовиться к переходу в решительное наступление» (журнал воен. дейс. Дон. армии).

22 января Деникин приказал армиям «начать общее наступление не позже первых чисел февраля» в Новочеркасском направлении.

В виду этого, 22 января начальник штаба Деникина — ген. Романовский издал следующее распоряжение: а) приготовить железную дорогу «к интенсивной работе и средства для починки мостов на участке Батайск — Ростов» и б) «к этому времени приготовить все санитарные средства и наладить эвакуацию раненных». А 23 января было приказано «заготовить составные части мостов» и т. д.

В это время казахи и русские верхи были чрезвычайно заняты различными делами: в Екатеринодаре еще заседал Верховный Круг, с 25 января в Екатеринодаре начал свои заседания Донской Войсковой Круг; командующий Донской армией ген. Сидорин 24 — 25 января выступал с докладами на Верховном и на Донском Кругах; ген. Деникин, заканчивая переговоры с Верховным Кругом, приступил к организации Южно — Русского правительства; кроме того, ген. Деникин был занят делами Крымскими и Одесскими. Кубанцы были заняты Верховным Кругом, Деникиным, ликвидацией восстания Пилюка, борьбой с дезертерами и «зелеными»; Кубанский Атаман ген. Букретов уехал в Таманский отдел, а командующий Кубанской армией ген. Шкуро — в Ставропольскую губ....

Царствовало весьма гибельное многовластие... Переговоры, «компромиссы», излишне длинные заседания, взаимные уговаривания... поглощали много времени и сил.

В это время красное командование вело лихорадочную подготовку к удару на Тихорецкую и Ставрополь. Огромным преимуществом красных была единая военная и гражданская власть.

26 января ген. Деникин отдал след. директиву:

«Командарм Донской, Кубанской, Комвойск Севкав, ген. Лукомскому, Главначснаб и ген. Слащеву.

«Противник, сосредоточив в низовьях Маныча и Дона лучшие свои Конную, 8, 3 (3-й здесь не было. Прим. ред.), 9 армии, старается прорваться на Кубань; 11-я и 10-я его армии наступают на Ставрополь и Торговую; 13, 14 и 12 — на Крым и Одессу. Атаки красных на Тихорецком направлении нами отбиты, 8-й, 9-й и Конной армиям нанесен ряд тяжелых поражений, дух их надломлен, на остальных направлениях бои с переменным успехом.

Приказываю:

1. Ген. Эрдели, продолжая энергичную борьбу с повстанцами и обеспечивая Астраханское направление, разбить Святокрестовскую группу противника и отбросить ее в Астраханские степи.

2. Ген. Шкуро — прочно обеспечивая Ставропольское направление, разбить 10-ю сов. армию. 2-й Кубанский корпус передается в распоряжение командарма Кубанской.

3. Ген. Сидорину — образовав сильную Конную группу на Новочеркасском направлении, разбить группирующегося противника в этом районе, овладеть Ростовом и Новочеркасском и прочно закрепить за собой Ростово — Новочеркасский плацдарм.

4. Ген. Миллеру — удерживать во что бы то ни стало Крым и прикрывать Одесский район.

5. Ген. Лукомскому — восстановить положение в Сочинском округе и самым энергичным образом продолжать очищение Черноморской губ. от повстанцев.

6. Разграничительные линии: между войсками Севкав и Кубанской армией — прежняя, между Кубанской и Донской армией — Тихорецкая — Средне Егрыльская — Казенный Мост — Платовская — Мартыновка (все пункты, кроме Ср. — Егорлыкской, для Кубанской армии) и далее по р. Дону.

7. О времени перехода в наступление будет сообщено дополнительно.

8. О получении донести.

Екатеринодар, 26 января 1920 г. Нр. 00724.

Генерал — лейтенант Деникин.

Генерал — лейтенант Романовский.

В развитие этой директивы командующий Донской армией 27 января сделал следующие указания подчиненным ему войскам:

«По окончании сосредоточения частей Кубанской армии перейти всеми корпусами в наступление, при чем для главного удара сосредоточить три конных корпуса (2-й и 4-й Донские и 3-й Кубанский) в районе х. Веселый, х. Мало — Западенский, х. Хорольский и х. Казенный с целью разбить ими армию Буденного и конный корпус Думенко. В случае успеха преследовать в направлении ст. Мелиховская, ст. Бесергеньевская, и, переправившись через р. Дон, продолжать наступление на Новочеркасск с целью выхода в тыл всей группе красных, расположенной на фронте Новочеркасск — устье Дона.

«Для успеха операции сосредоточить на левом фланге Добровольческого корпуса активную группу из пехоты и конницы (бригада ген. Барбовича, усиленная Терскими частями) для одновременного удара в общем направлении на ст. Хопры и далее через Чалтыр на Султан Салы... (журнал в. д. Д. а.).

28 января командующий Кубанской армией отдал приказ о переходе в наступление: 1) 2-му Куб. корпусу очистить от красных левый берег Маныча в районе озер Шаут Толга, Ново — Манычское, после чего форсировать Маныч и, выйдя на фронт станций Двойная — Ельмут, разбить противника, 2) Первому укорпусу, наступая вдоль жел. дороги, взять Великокняжескую.

29 января Деникин приказал Кубанской армии немедленно перейти в наступление.

30 января в ст. Кагальницкой, в присутствии Деникина, состоялось совещание командующего Донской армией ген. Сидорина с командирами корпусов в связи с предстоящим общим наступлением.

31 января в штабе Дон. армии были «получены точные сведения о движении Буденного из ст. Богаевской через Орловку на стык Донской и Кубанской армий» и «замечено явное намерение противника перейти к активным действиям» (журнал воен. д. Дон. арм.). Получены также сведения о сосредоточении значительных сил красных на Ставропольском направлении...

В тот же день была отдана следующая директива Донской армии:

«Чтобы воспрепятствовать осуществлению нового плана противника, сосредотачивающего свои усилия на Ставропольском направлении, и окончательно разбить его, приказываю перейти в решительное наступление по всему фронту». Корпусам даны такие задачи:

1) Первому корпусу и конной группе ген. Павлова в составе 4 и 2 корпусов, без Донской и партизанской дивизии, Сводно — Конного корпуса ген. Агоева, **форсировав Маныч, разбить и отбросить противника за р. Сал;** по выполнении этой задачи иметь в виду 1-му корпусу выход на р. Сал между сл. Мартыновкой и устьем, а ген. Павлову — действия против Новочеркаско — Ростовской группы противника.

2) 3-му корпусу, с включением в него Сводного Конного корпуса ген. Агоева и Добровольческим корпусом разбить Ростово — Новочеркасскую группу противника, для чего сосредоточить ударную группу на своем правом фланге и наступать в направлении на Богаевскую и Бесергеновскую в обход Новочеркасса с востока и с севера, и Добровольческому корпусу, образовав ударную группу на левом фланге, охватывать Ростов с запада. По выполнении этих задач иметь в виду 3-му корпусу выход на фронт Раздорская — Александров — Грушевск — Кутейников — Несвитанский, а Добровольческому корпусу — Несвитанский — Генеральский Мост — Мокрый Чалтыр». (Схема 3).

Должно быть отмечено, во-первых, то, что бездействие антибольшевистских армий в конце января дало возможность красным армиям оправиться после понесенных поражений, привести себя в порядок, пополниться и произвести перегруппировку, обеспечившую возможность выполнения нового плана боевых операций; во-вторых, Деникин и Сидорин, как подчеркнуто выше, не обратили должного внимания на обеспечение стыка флангов Донской и Кубанской армий; в-третьих, не было, очевидно, учтено то, что Х-я сов. армия, пополнившись из резерва тремя дивизиями ко времени перехода в наступление против Кубанской армии представляла уже из себя большую силу; в-четвертых, в плане нового наступления не видно необходимой согласованности в действиях Донской и Кубанской армий.

Но самое главное это то, что командующий Донской армией и ген. Деникин, подготавливая такую серьезную операцию, как переход в зимнее время в наступление одновременно по всему фронту (наступления, связанного с преодолением двух водных преград — р. Дона и р. Маныча), не обратили должного внимания на факт перемещения такого серьезного противника, каким была Конная армия Буденного. Уже «30 января было получено сведение, что 1-я Конная сов. армия перебрасывается вверх по Манычу на Тихорецкое направление» (Деникин. Очерки рус. смуты, т. 5-й, стр. 317, и данные штаба Дон. армии).

Однако, это чрезвычайно важное обстоятельство совершенно игнорируется, хотя в ст. Кагальницкой в это время заседали и обдумывали план предстоящей операции генералы Деникин, Сидорин и командиры Донских корпусов. Больше того, день спустя, 31 января, отдает-

ся войскам вышеприведенная директива о наступлении на Новочеркасск. Этим самым красному командованию была предоставлена полная возможность не только беспрепятственно осуществить уже начатую перегруппировку сил, но и перейти в общее наступление, закончившееся поражением казаков, Новороссийской и Сочинской катастрофами.

Или же Донское командование в этом случае осуществляло тот план, о котором говорит Раковский — пустишь Буденного на Кубань (Раковский. В стане белых, стр. 95). Между прочим Раковский говорит и о том, что «план этот почти начал приводиться в исполнение».

Донскому командованию хорошо было известно, какие большие усилия надо было приложить и какие большие жертвы понести для ликвидации тех прорывов фронта, которые 1-я Конная сов. армия делала в январе сначала у Нахичевани и Ростова (см. главу У), потом на нижнем Маныче (см. гл. УП): в первом случае Буденный 5 января было отбросил от ст. Ольгинской части 3-го Донского корпуса, и 6 января красная конница была побеждена только сильными ударами, а) с запада — Кубано — Терским корпусом ген. Топоркова и конной бригадой ген. Барбовича, б) с востока и юго — востока — частями 3-го Донкорпуса и в) с юга могучим 4-м Донским корпусом, при чем в этих боях в тылу у Буденного была широкая болотистая долина р. Дона, вне сомнения, сильно стеснявшая маневрирование конницы; 15-го января Буденный прорвался через Маныч, разбив и отбросив Донские части у хуторов Тузлуковского и Мало-Западенского, а 16 января Буденный разбил 9-ю дивизию из состава славного 4-го Донкорпуса и только неожиданным ударом с фланга сильной числом и духом 10-й Донской конной дивизии в тот день конница Буденного была отброшена за р. Маныч (см. схемы 1 и 2).

Донское командование хорошо знало, что январские победы казаков поясняются не только казачьей доблестью, горячим желанием Донцов освободить Родную Землю, не только слабостью советской пехоты, но и тем, что **Донское командование имело в своем распоряжении в качестве армейского резерва 4-й Донской корпус силою в 9-10 тысяч шашек** (ген. Деникин боевую силу этого корпуса определяет в 10-12 тысяч: Очерки рус. смуты, У-317) **и сводный Кубано — Терский корпус ген. Топоркова**, потом ген. Агоева, **силою в полторы — две тысячи шашек**. При помощи именно этих резервных корпусов Донское командование в январе поразило противника, прорывавшего Донской фронт.

Легко можно было пользоваться этим могучим конным казачьим тараном, так как главные бои происходили на сравнительно небольшой дуге фронта: Батайск — Мало — Западенский — х. Веселый, длиной всего около 75 верст.

Кубанская армия, против которой теперь направлялась 1-я Конная сов. армия Буденного, не имела такого весьма сильного подвижного резерва. Вообще же, переход Конной армии Буденного из района ст. Богаевской в район ст. Платовской самым решительным образом изменял соотношение сил на Маныче в районе ст. Великокняжеская — ст. Платовская.

(Продолжение следует).

А. ЛЕНИВОВ.

Материалы по истории Степного похода

(К 19-ЛЕТНЕЙ ЕГО ГОДОВЩИНЕ)

Посвящая убиенным моим соратникам.

Пребывание отряда Вольных Донских казаков в степях Западного и Восточного коннозаводства (Сальский округ) и проявленная активность партизан, выразившаяся в производстве набегов, заставила большевиков сильно обеспокоиться и принять меры к ликвидации деятельности партизан. Между тем, пребывание частей отряда на зимовниках, не могло долго продолжаться, ибо партизаны не обладали достаточными запасами продовольствия. Совершая поэтому дальнейший путь, Отряд оказывался в весьма неблагоприятном положении, ибо дальнейшие движения его были скованы, с одной стороны, реками Доном, Салом, Манычем, с другой —

железнодорожной линией ст. ст. Царицын — Торговая — Тихорецкая, не говоря уже о том, что все железнодорожные узлы и грунтовые дороги находились в руках большевиков.

От 12-го марта началось общее генеральное наступление большевиков на части отряда, имевшее своей конечной целью уничтожение последнего...

Учитывая боевую обстановку, партизанское командование решило, в свою очередь, нанести ряд коротких, сильных ударов большевикам. Во исполнение последнего начинания, сводная группа партизан под командой полк. Мамонтова (партизанские отряды полк. Ма-

монтова, полк. Каргальскова, войск. старш. Гнилорыбова, войск. старш. Чернушенко, хорунжего Назарова, 1-я Граббевская калмыцкая сотня, и партизанская батарея под'ес. Неживова) выступила в ночь с 12-го на 13-ое марта с зимовника Степана Безуглова к зимовнику Якова Андр. Королькова (расположенного в 12 верстах на юго - восток от первого), занятого крупными силами большевиков.

На рассвете 13-го марта, в Стариковой балке (пролегает около зим. Я. А. Королькова) произошло столкновение раз'езда Назаровских партизан с большевистской заставой. Около девяти часов утра того - же дня начался сильный бой, продолжавшийся до самого вечера, в весьма тяжелых условиях, сопряженных с переменявшейся дорогой (снег, дождь, град, непролазная грязь). Цепи партизан, развернувшись около зимовника, пытались наступать, но каждый раз были отбиваемы большевистской пехотой. Этот упорный и кровопролитный бой тянулся с переменным успехом до пяти часов вечера, когда боевое счастье явно склонилось в сторону партизан. Большевики, теснимые последними, начали поспешный отход, едва не закончившийся для них полнейшей катастрофой, спасение явилось в виде наступившей темноты. В свою очередь, внезапно поднимающаяся снежная мятель имела своим следствием некоторую сумятицу, ибо партизанский отряд полк. Каргальскова атаковал Чернушенковских партизан, ошибочно приняв последних за противника.

В конечном счете, около семи часов вечера партизаны ворвались на зимовник Я. А. Королькова и овладели последним. Означенный зимовник, весьма небольшой по своей площади, не имел колодезь, так как располагался в песчаной местности; вода привозилась в бочках. Большевики, оставляя зимовник, отравили сулемой всю воду в бочках, в результате чего имели место несколько случаев отравления среди партизан, однако, быстро оправившихся, благодаря своевременно оказанной медицинской помощи. Много хуже обстояло дело с лошадьми, среди коих наблюдался ряд жертв. Отравление воды со стороны большевиков вызвало сильнейшее озлобление среди партизан; большевики, пытавшиеся прятаться на сеновалах, были расстреливаемы без разговоров...

Днем 11-го марта большевики, находившиеся в виду зимовника Николая Байздренкова, занимавшегося юнкерским отрядом есаула Слюсарева, пытались было овладеть последним зимовником, но были легко отбиты. Тем не менее, в ночь на 12-ое марта зимовник был оставлен юнкерами, получившими специальное задание в виде производства набега на Маныческо - Грузскую климатическую станцию (грязелечебницу). Заняв последнюю без особых усилий со стороны юнкеров, есаул Слюсарев произвел реквизицию обнаруженных медицинских медикаментов, перевязочных средств и байковых одеял, в чем весьма нуждался партизанский походный лазарет. В означенный период времени в лазарете находилось уже свыше трехсот раненых и больных партизан, сообразно чего весьма ощущался острый недостаток в медицинских средствах и вследствие чего была предпринята описываемая экспедиция юнкеров.

Зимовник Николая Байздренкова с уходом юнкеров в описанный набег, был занят большевиками, ликвидировать коих было поручено партизанским конным отрядам полк. Каргальскова и войск. старш. Чернушенко, подошедших 13-го марта после полудня к зимовнику Николая Байздренкова. Спешившись, партизаны повели наступление на большевиков, засевших в зимовнике и, после непродолжительной схватки, выбили их и овладели последним. Уже поздним вечером, большевики вновь завязали бой, пытаясь взять обратно зимовник, но были отбиты с большими потерями.

День 11-го марта был полон тревоги для партизанского отряда войск. старш. Семилетова, располагавшегося на зимовнике Подкопаева. Непрестанно получались тревожные вести из штаба Походного Атамана, в соответствии с чем предполагалось выступление Семилетовских партизан на восток, в виду определившегося генерального наступления большевиков. Ранним утром 12-го марта Семилетовские партизаны выступили на зимовник Василия Безуглова, оставив обоз с небольшим прикрытием и конно - подрывной взвод (при 2-й конной Семилетовской сотне) на зимовнике Подкопаева.

Утром 14-го марта партизанские конные отряды полк. Каргальскова и войск. старш. Чернушенко, после

короткой перестрелки с большевиками, овладели зимовником Сергеева (в 6 верстах на северо - восток от зимовника Я. А. Королькова).

В тот - же день 2-я Платовская калмыцкая сотня имела бой с большевиками около зимовника Пишванова, который был занят калмыками. Большевики, разбитые в означенных боях, отступили к хуторам Савоськину и Курячему, где, установив два орудия, начали вести обстрел Пишвановского зимовника.

Днем 15-го марта, штаб Походного Атамана, партизанский походный лазарет, артиллерийский и интендантский обозы, под прикрытием штаб - офицерской дружины ген. Базовова и юнкерского отряда есаула Слюсарева, перешли с зимовника Василия Безуглова на зимовник Степана Безуглова, а партизанский конный отряд Войск. старш. Чернушенко перешел с зимовника Сергеева на зимовник Байздренкова.

Партизанский отряд войск. старш. Семилетова прибыв 15-го марта на зимовник Пишванова, предпринял наступление на большевиков, занимавших хутор Савоськин. 3-ья пешая сотня Семилетовских партизан двинулась в лоб, 2-я Платовская калмыцкая сотня пошла в обход левого фланга большевиков, а Семилетовская батарея, заняв позицию под буграми у зимовника Пишванова, развила интенсивный огонь по большевикам, засевшим в хуторе. Последние, ведя сильный винтовочный и пулеметный огонь, оказали вначале сильное сопротивление наступающим партизанам, пока не появилась калмыцкая лава, прошедшая по балке ведущей к хутору Савоськину, после чего дрогнувшие большевики оставили означенный хутор. Отойдя уже за последний, большевики задержались и, установив вновь свои орудия, начали обстреливать беглым артиллерийским огнем партизанские цепи. Поздним вечером последовало распоряжение войск. старш. Семилетова об оставлении хутора Савоськина и обратном отходе в исходное положение на зимовник Пишванова.

Утром 15-го марта сводная группа полк. Мамонтова (партизанские отряды полк. Мамонтова, войск. старш. Гнилорыбова, хорунжего Назарова и партизанская батарея под'ес. Неживова) получила предписание покинуть зимовник Я. А. Королькова и двинуться к зимовнику Трубникова, откуда надлежало выбить большевиков. В пути, Назаровские партизаны получили приказание вернуться обратно на зимовник Я. А. Королькова, где продолжала оставаться одна 1-ая Граббевская калмыцкая сотня; при движении отом Назаровский отряд был неожиданно обстрелян артиллерийским огнем... Не имея представления о сложившейся боевой обстановке, хорунжий Назаров с своим отрядом задержался на месте обстрела, когда был атакован большевиками. Отбившись от последних, Назаровские партизаны с батареей под'ес. Неживова двинулись в дальнейший путь и к вечеру 15-го марта достигли зимовника Степана Безуглова.

Конно - подрывной взвод при 2-й конной сотне Семилетовских партизан, оставленный на зимовнике Подкопаева для наблюдения за большевиками, должен был высылать ежедневно наблюдательный пост из трех партизан на зимовник Лисицкого (в 25 верстах от зимовника Подкопаева в направлении железной дороги). 14-го марта подрывники получили приказание присоединиться к главным силам Семилетовских партизан. Раз'езд, высланный на зимовник Лисицкого, чтобы снять наблюдательный пост, обнаружил лишь трупы убитых партизан хорунжих Васильева и Егорова. Спустя некоторое время, на зимовник Подкопаева прибыл сотник Х... третий партизан из состава наблюдательного поста и сообщил, что на зимовник Лисицкого было произведено нападение большевиками, пришедшими со ст. Куберле. Сотнику Х... удалось спастись благодаря тому, что он пробрался на сеновал, разобрал крышу и спрыгнул в баку, поросшую колючим кустарником, где он отсиживался до тех пор, пока большевики не покинули зимовник. Из подслушанного разговора сотник Х... узнал, что большевики готовят нападение на партизан, находящихся на зимовнике Подкопаева. Имея подобные сведения, Семилетовские подрывники принялись за деятельное приготовление, ожидая набега противника.

Зимовник Подкопаева окружал глинобитной стеной, в которой были пробиты четверо ворот, выходивших на разные стороны. На дорогах, ведущих к северным и восточным воротам, партизанами были заложены

фугасы. На разсвѣтѣ 15-го марта, вблизи зимовника Подкопаева появились две конные группы большевиков, од на численностью в сорок всадников, другая несколько болѣе. Партизаны, укрываясь за стѣной, ожидали дальнѣйшаго приближенія большевиков, которые, потоптавшись некоторое время на одном мѣстѣ, наконец, рѣшились и поскакали к воротам. В момент, когда большевики вступили на мѣста, гдѣ были заложены фугасы, партизаны включили ток, раздался ряд сильных взрывов, почти все большевики совместно с лошадьми, остались лежать на землѣ. Обстреляв пулеметным огнем вторую группу большевиков, обратившуюся в бѣгство, конно — подрывной взвод оставил зимовник Подкопаева и двинулся на восток на присоединеніе к своему отряду.

Хорунжий Назаров, приведшій свой отряд вечером 15-го марта на зимовник Степана Безуглова, получил строгій выговор от Походнаго Атамана за самовольный уход с позиціи. Объясненія, данныя Назаровым, были признаны неудовлетворительными и в штабѣ Походнаго Атамана обсуждался вопрос о преданіи хор. Назарова военно — полемому суду. Момент настал напряженный, ибо Назаров заявил, что он ни в коем случаѣ не даст арестовать себя и не подчинится никакому судебному постановленію, предпочитая лучше отдѣлиться от отряда, дабы действовать в дальнѣйшем на свой страх и риск с своими партизанами. В конечном результатѣ, финал дѣла разрешился самым неожиданным образом для всех, ибо хор. Назаров утверждал, что в штабѣ Походнаго Атамана находится большевистскій шпион и предатель, причем прямо указывал на войскового старшину Розова, исполнявшаго должность старшаго ад'ютанта штаба Походнаго Атамана. Созданная следственная коммиссія не могла выяснитъ ничего определеннаго.

Розов, красивый, представительный мужчина, лет 32-х, высокаго роста, неизменно одѣтый в отличную черкеску, с боевым орденом Владимира на груди и множеством нашивок на левом рукавѣ, свидетельствующих о рядѣ раненій, всегда бросался в глаза всем участникам Степнаго Похода... Но, подозревать его, старшаго ад'ютанта штаба Походнаго Атамана, в шпионажѣ, в предательствѣ, — не было ни у кого в мыслях!... Послужной список, представленный Розовым и обстоятельныя объясненія и ответы, данныя им перед лицом следственной коммиссіи, заставили личный состав послѣдней усомниться в конкретности обвиненія, поддерживаемаго хорунжим Назаровым.

Усматривая, что лично он оказывается в весьма невыгодном положеніи, Назаров самочинным образом арестовал Розова и под конвоем своих партизан препроводил послѣдняго в баню. Здѣсь, в присутствіи членов следственной коммиссіи, партизаны раздели Розова до гола, послѣ чего хор. Назаров предложил Розову показатъ слѣды девяти раненій на телѣ, на которые у него (Розова) имѣлись официальные подтвержденія. Розову, буквально припертому к стѣнѣ, не оставалось ничего болѣе, как сознаться в том, что он является действительно большевистским шпионом, и лже — офицером. После своего признанія, Розов осветил детальным образом всю предательскую работу, веденную им на протяженіи Степнаго Похода.

Днем 17-го марта, на склоне холма за зимовником Степана Безуглова, по приговору военно — полевого суда, Розов был расстрелян...

Розов — большевистскій шпион, оказался уроженцем г. Ростова, по фамиліи Симановским, вольноопредѣляющимся одного из запасных пехотных полков, стоявших в г. Ростове.

16-го марта партизанскіе отряды полк. Мамонтова и войск. старш. Гнилорыбова, выдержав два сильных боя с различными группами большевиков, овладѣли зимовником Трубинова, расположенным в крайнем углу Донской области, при стыкѣ с Астраханской и Ставропольской губерніями. Части отряда Вольныхъ Донскихъ казаков, выдерживая ряд непрерывныхъ тяжелыхъ боевъ с большевиками, наступавшими со всехъ сторон, оставили занимавшійся ими район зимовников Подкопаева — Васлія Безуглова — Степана Безуглова, и начали стягиваться в район зимовника Трубинова.

Безвыходное положеніе понималось всеми партизанами и на этой почвѣ началось некоторое броженіе... Полковники Греков и Жиров (Атаманскаго коннаго отряда), прибывшіе 13-го марта в штаб Походнаго Атамана, сообщали, что в двух — трех отрядахъ существуют из-

вестныя теченія, сторонники коего указывают на необходимость распыленія партизан. Вечером того — же дня Походный Атаман пригласил к себе начальника штаба полк. Сидорина, начальника юнкерскаго отряда есаула Слюсарева и своего личнаго ад'ютанта полк. Кучерова, и заявил им, что подобныя теченія и настроенія, о которыхъ говорили полковники Греков и Жиров, в частности наблюдаются в Назаровском, Чернушенковском, Атаманском отрядах, и даже в штаб — офицерской дружинѣ ген. Базовова, причем источником агитаціи служил именно Розов, ад'ютант штаба Походнаго Атамана.

14-го марта, Походным Атаманомъ былъ создан военный совет на зимовникѣ Степана Безуглова, в коем, помимо начальника штаба полк. Сидорина, приняли участіе начальники партизанскихъ отрядовъ: ген. И. Д. Попов, ген. Базовов, полк. Мамонтов, войск. старш. Семилетов, войск. старш. Гнилорыбов, есаул Слюсарев и др. Участники военнаго совета, обсудив создавшееся положеніе, признали послѣднее крайне тяжелым, в виду полнаго окруженія большевиками частей отряда Вольныхъ Донскихъ казаков. В разной степени было принято во вниманіе, что в некоторых отрядахъ сильно понизился дух. Учтены были также и вытекающіе слѣдствія, в частности, мысль о необходимости распылиться по станицам и хуторам для организаціи на мѣстах боевыхъ дѣйствій противъ большевиков. К сведенію было принято сообщеніе о том, что известная часть партизан не желала имѣть подобный конец и мечтала о прорывѣ с оружіем в руках в Польшу или Румынію.

Участники военнаго совета, обмѣнявшись мнѣніями, приняли рѣшеніе искать какой — либо выход, но отнюдь не продолжать оставаться в степяхъ Восточнаго коннозаводства, гдѣ отряд, не имѣя никакихъ пополненій, рискует подвергнуться в конечномъ итогѣ уничтоженію со стороны большевиков.

Начальник штаба полк. Сидорин предложил слѣдующій план: отряду пробиваться к Каспійскому морю, захватить пароходы и плыть на них к Персидскому заливу, откуда пробираться к англичанам в Мессопотамію. Для приведенія подобнаго плана в исполненіе, надлежало произвести отбор партизан, составить из них отрядъ силой в 500 штыков и шашек, придать двух — орудиную батарею с полным запасомъ артиллерійскихъ патронов, а также пулеметныя тачанки, запряженныя четвериками лошадей. Закончив формированіе подобнаго отряда, идти быстрымъ маршем к р. Дону, подойдя к которому, снабдить оружіем, лошадьми и повозками всехъ мечтающихъ о распыленіи и предоставить им полную свободу дѣйствій. Вслѣд за этим, сформированный отрядъ долженъ оторваться от р. Дона и идти семидесятиверстными переходами к Каспійскому морю, принимая во вниманіе, что подобный походъ возможенъ лишь до наступленія мая.

План, предложенный полк. Сидориным, былъ принятъ военнымъ советомъ к сведенію, на случай, если не представится иной выход в ближайшій періодъ времени!... *).

*) От редакціи: Донцы, отказавшись идти с добровольцами, ушли в степи. На 2 недѣли позже, кубанцы ушли по направленію к горамъ и... встретили добровольцевъ.

Какъ видим, донцы в своемъ походѣ искали выхода, искали путей и «направленій». Рассматривали и разбирали много проектов, кроме одного: на соединеніе с кубанцами...

Кубанцы, уходя в свой поход, обсуждали тоже много «направленій», кроме одного — на соединеніе с донцами...

А что было бы, если бы тогда уже кубанцы встретились не с добровольцами, а с донцами? — Можетъ быть тогда уже все началось бы по иному...

Тогда казаки сами уходили от своего спасенія. Уходили друг от друга. Изучали все пути, кроме одного — какъ раз — настоящаго!...

А сейчас — сколько еще маловѣрныхъ, сколько еще противниковъ из казаковъ же національнаго казачьего пути!

Те раз'единенные походы — в конечномъ счетѣ — при вели всехъ под Деникина и за границу. Новый объединенный поход, походъ всехъ казаковъ по казачьему національному пути долженъ вывести Казачество из бѣды и привести его к своему собственному самостоятельному государству — Казакии.

16-го марта в штаб Походного Атамана прибыли два делегата из отряда Ставропольских большевиков (из слободы Кисты). Делегаты заявили, что они прибыли исключительно с целью информации и ознакомления с намерениями партизан. Получив в штабе обстоятельные ответы на все вопросы, делегаты заявили, что их отряд не будет больше воевать с партизанами и просили, чтобы партизаны, в свою очередь, послали своих делегатов в их главный штаб, находящийся в селе Ремонтном (Астраханской губ.), для разъяснения необходимых данных о целях и намерениях отряда Вольных Донских казаков. Походный Атаман назначил есаула Сутулова (один из адъютантов штаба Походного Атамана) и Аладина (б. член 1-й Государственной Думы) для выполнения отмеченной задачи, и преподал им надлежащие инструкции. 17-го марта указываемые лица в сопровождении одного из большевистских делегатов, выехали в село Ремонтное, другой делегат остался в качестве заложника при штабе Походного Атамана.

Ранним утром 18-го марта, штаб Походного Атамана, походный лазарет, артиллерийский и интендантский обозы, штаб — офицерская дружина и юнкерский конный отряд есаула Слюсарева, перешли с зимовника Степана Безуглова на зимовник Я. А. Королькова, куда получил предписание прибыть и Атаманский конный отряд.

В ночь с 18-го на 19-ое марта разыгрался бой на т. н. Курячьей балке, вдоль которой расположены были с запада на восток хутора Курячий, Савоськин (экономика Нечаева), экономика Ладченко, зимовник Скороходова, экономика Байздренкова, зимовники Пишванова и Лисицкого. Партизанский отряд войск старш. Семилетова, сосредоточившийся на зимовниках Скороходова, Байздренкова и Пишванова, имел против себя большевистскую группу Тулока, располагавшуюся на хуторе Савоськином (экономика Нечаева).

18-го марта, в штабе Семилетовского отряда было принято решение произвести внезапное нападение на большевиков. Сообразно выработанному плану, 2-я и 3-ья пешие сотни партизан должны были атаковать по фронту, 2-я Платовская колмыцкая сотня с одним орудием имела зайти в тыл и оттуда ударить на большевиков: 1-ая пешая и обе конные сотни Семилетовских партизан оставались в резерве.

Партизаны, выйдя в ночь на 19-е марта из занимавшихся ими зимовников, перешли вброд речку и двинулись в набег... Прodelав около трех верст пути по глубоким сугробам снега, партизаны неожиданно натолкнулись на цепи большевиков, шедших в свою очередь, в набег: произошло непредвиденное ночное столкновение для обеих сторон... Затрещали винтовочные выстрелы, раздалась пулеметная дробь... Пешие сотни Семилетовских партизан рассыпались в цепь!

С самого начала боя уже определилась вся невыгодность позиции, занимавшейся партизанами, тем не менее теснившими противника. В полдень боевая обстановка резко изменилась не в пользу партизан. Неожиданно из-за бугров вышли пять густых цепей большевистской пехоты, занимая по фронту более двух верст, и бросились в решительную схватку, увлекая свои отступающие передовые цепи. Большевистская конница, появившаяся на флангах, прижимала партизан к реке, засыпая их огнем своих пулеметов. Отчаянно отстреливаясь, отходили партизаны 3-й пеший сотни, неся большие потери от огня большевиков. Смертельно был ранен доблестный полк. Лысенков, начальник Семилетовских пеших сотен, которого все-же удалось вынести из линии огня; впоследствии труп его был похоронен около Граббевского хурула.

Положение партизан, прижатых большевиками к речке, было отчаянное. Казалось, выхода нет! Происходила страшная рукопашная схватка, дрались не только штыками и прикладами, душили друг друга за горло, грызли зубами, дрались кулаками... Партизаны дрались самым отчаянным образом, предпочитая смерть в бою большевистскому расстрелу. Разыгрывались душераздирающие сцены!... Сотник Кутырев, окруженный большевиками, отстреливался из двух револьверов, убил нескольких большевиков, путив последнюю пулю себе в висок. Гимназистка — партизан, будучи тяжело раненой в грудь, стреляла из винтовки до тех пор, пока не погибла под ударами штыков. Один хорунжий, будучи раненым в живот, был пристрелен под сс. С..., согласно личной просьбы. Последний, сняв ладонку с своей шеи, на-

дел ее на шею хорунжему, перекрестил его, горячо поцеловал и после этого добил выстрелом из револьвера.

— Ура-а-а!... Есаул Бакихан с конными сотнями партизан, бросившись в контр — атаку, несколько приостановил наступление большевиков, чем было спасено положение пеших сотен, получивших возможность оторваться от противника, и перейти вброд речку Курячью.

Потери партизан были огромны. В пеших сотнях было до 70 проц. наличного состава, в 3-й пешей сотне был выбит почти весь офицерский состав: партизаны потеряли также несколько пулеметов. В свою очередь, большевики также понесли громадный урон, почему не смогли преследовать Семилетовских партизан и 2-ую Платовскую калмыцкую сотню, отошедших в полном порядке от Курячьей балки и, сосредоточившихся к вечеру 19-го марта на зимовнике Александра Королькова (в 11 верстах на восток от Курячьей балки).

20-го марта состоялся военный совет всех начальников партизанских отрядов под председательством Походного Атамана, причем зимовник, где имел место совет, все время обстреливался артиллерией большевиков. На совещании был поставлен прямой вопрос: куда идти?

Углубившись в степи Восточного Коннозаводства и, выйдя в конечном результате в район зимовника Трубникова, отряд зашел в тупик, ибо находился на стыке Донской области, Астраханской и Ставропольской губерний. Вступать в пределы последней, значило вести вооруженную борьбу с многочисленным местным крестьянским населением, распропагандированным большевиками; входить в пределы Астраханской губернии, — обрекало на вынужденное пребывание партизан в малообитаемых и безводных пространствах. С другой стороны, продолжать далее оставаться в степях Восточного Коннозаводства не представлялось возможности, в виду полного окружения большевиками. Взвесив все обстоятельства, не взирая на безнадежность положения и полную неизвестность в смысле установления настроений в казачьих массах, военный совет начальников партизанских отрядов принял правильное решение — отряду Вольных Донских казаков идти на Дон!

К 21-му марта все части отряда сосредоточились на зимовнике Трубникова, причем означенный момент навсегда запечатлелся в памяти участников Степного похода. Поскольку охватывал глаз пространство до горизонта, поскольку была свободна территория от большевиков; «психологическую» границу обозначали партизанские конные дозоры, расставленные жидкой цепочкой в окружности. Пребывая на зимовнике Трубникова, партизаны принуждены были располагаться прямо на земле, под открытым небом, в виду того, что не имелось абсолютно никаких иных помещений, за исключением дома и двух — трех сараев.

2-го марта возвратились обратно есаул Сутулов и Аладин, ездившие в село Ремонтное. Означенные лица едва не были расстреляны большевиками, лишь личная выдержка есаула Сутулова отвратила неминуемую смерть, ибо им было заявлено, что если они будут расстреляны, то партизаны, в свою очередь, расстреляют большевистского делегата; остававшегося заложником в штабе Походного Атамана, и тех сорок пленных большевиков, которые находятся в руках партизан. Аргументы эти подействовали весьма убедительным образом и есаул Сутулов с Аладиным возвратились живыми и невредимыми. Одновременно с ними прибыла новая большевистская делегация, посланная главным военно-революционным штабом большевиков, находившимся в селе Ремонтном.

Делегация эта, снабженная официальными полномочиями, предъявила требование: сдача отряда Вольных Донских казаков с безусловной выдачей всех партизанских начальников, включительно до должности взводного командира. Соблюдением этого требования военно-революционный штаб гарантировал возможность сохранения жизни рядовым партизанам... Цинизм большевиков не знал пределов... Но, ответ партизан был весьма вразумителен в своем логическом следствии, все члены прибывшей делегации большевиков были повешены...

Облегчившись до крайности, бросив лишние повозки и ненужный груз, оставив лишь юнкерский отряд есаула Слюсарева на зимовнике Трубникова для наблюдения за большевиками, ведомый калмыцкими проводниками по степным дорогам, отряд, обманув бдитель-

ность большевиков, вырвался из кольца окружения и в ночь на 23-е марта двинулся из глубины калмыцких степей на север, на Дон!

Девятнадцать лет тому назад все те казацьи патриоты на Дону, которые не пожелали преклонить головы перед русскими пришельцами с севера, как в образе «красных», так и в образе «белых», отказавшись следовать за последними на Кубань, оставленные Войсковым Кругом, составили отряд Вольных Донских казаков во главе с одним Походным Атаманом и совершили свой «Анабазис» — Степной Поход. «Степной отряд — нес идею казачьей самостоятельности, казачаьей вольности, шел с призывом к восстанию казаков против большевистской тирании» («Донская Летопись», ном. 3, стр. 6).

История повторяется...

Девятнадцать лет спустя, все те казацьи патриоты, которые не пожелали и не желают преклонить своих голов перед русскими пришельцами с севера, как в образе «красных», так и в образе «белых», составляют Отряды Вольного Казачества во главе с своим Походным

Атаманом, совершают свой «Анабазис» — поход во имя освобождения и независимости Казачества!

Время идет... Девятнадцать лет тому назад для отряда Вольных Донских казаков была одна идея «Вольный Дон», для отрядов Вольного Казачества на Кубани (К. Л. Бардиж) лишь «Вольная Кубань»...

Ныне для всех казачьих патриотов существует не одна, не две, не три идеи, а всего лишь **ЕДИНАЯ ИДЕЯ**, именно — **КАЗАКИЯ!**

Чтя священную память казачьих патриотов — Вольных Донских казаков, защищавших с оружием в руках волю и независимость Дона, предпочитавших славно умереть в бою позорному плену или отказу от дальнейшей борьбы... в страдный для бытия Дона 1918 год, — склоним низко головы над бесчисленными могилами их, рассеянными на протяжении более чем 800 верст — от Новочеркасска к Новочеркаску — через Манычское займище, степи Задонья, степи Западного и Восточного Коннозаводства, и равнины Среднего Дона. Вечная слава!... Вечная память...

НИКОЛАЙ ПОСОХОВ.

Не пора ли всем казакам в разум истинный прийти?

«Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает». (Ев. о Луки, гл. II, ст. 23).

С тех пор, как существует мир, более сильные народы всегда стремились распространить свое влияние на малые народы, граничащие с ними, с целью подчинить их себе и приобщить к своему государственному организму. Часто сильные народы стремятся распространить свое влияние и на отдаленные от них малые народы, родственные им по расе, языку или религии, с целью увеличить свой удельный вес в международной политике.

Человеческая натура не изменилась и по сей час: никто из сильных народов не освободился настолько от эгоизма, чтобы добровольно отказаться от раз представившихся им реальных выгод и возможностей во имя всеобщего мира, уважения к правам меньших народов и в интересах исторической справедливости...

Если бы в конце прошлой войны Россия не развалилась, то не было бы сейчас независимых: Литвы, Латвии, Эстонии и Польша до сих пор стонала бы под русским каблуком. Однако, могущество и эгоизм больших народов не могут служить оправданием исторических несправедливостей их в отношении народов меньших, желающих продолжать свое историческое бытие наряду со своими более сильными соседями. Эти малые народы имеют также средства и возможности противостоять грубой силе и эгоизму своих более сильных соседей и отстаивать свое естественное и историческое право на независимое государственное существование. Первым, главным средством и непременным условием для сего является **национально - политическая зрелость данного народа**: сознание широкими массами его своего права на самостоятельное историческое и экономическое существование.

Вторым непременным условием является **объединение всех национально - мыслящих сил народа вокруг единой национально - государственной цели: мысли и воли каждого националиста - патриота должны слиться в единую непоколебимую идею и единую непреклонную волю достигнуть поставленной цели и намеченных рубежей**. Обычно выразителем такой коллективной национальной воли и ее практического осуществления бывает народный герой — вождь, выдвинутый массой или эпохой, опирающийся на волю и силу выдвинувшего его народа.

Мировая война полна красочными примерами, где народы, стойко и единодушно боровшиеся со своими поработителями, в конечном итоге освобождались от чужого ига и восстанавливали свою независимость. Для нас, казаков, особенно близким и поучительным в этом отношении является пример Польши. В своих трудах:

«Социальные трактаты» и «Соображения об управлении Польши», Жан-Жак Руссо пишет, что в период разделения (и после) в Польше царил хаос, благодаря раздорам и несогласиям польских магнатов. И вот, в том положении, в каком оказалась Польша после раздела, он видел единственное средство к спасению и сохранению национального сознания польского народа и возможности борьбы за утраченную независимость в том, чтобы дать полякам такое состояние, какого им не хватало, — так сказать, **вдохнуть во всю нацию согласованную душу**: установить идею своей государственности в сердцах поляков настолько, чтобы можно было пережить все усилия своих притеснителей, направленные к денационализации. В этом менно Руссо видел единственное убежище, единственную силу, которые не могут быть разрушены или уничтожены.

Руссо предсказывал, что Польша будет в русских кандалах, но поляки останутся свободными. В своих трудах он дает полякам советы и указания, что им надо делать, чтобы сохранить свое национальное бытие и лицо и предохранить польский народ от обрусения и духовного порабощения его русскими.

Первый совет, который он дает полякам, это — **порвать всякое сношение с остальным миром**. Однако, он не имеет в виду для такого отмежевания сооружение физического вала, подобно китайской стене. Под таким несокрушимым валом он разумел духовный барьер национального характера.

Попутно автор дает практические указания, в чем и как должно выразиться создание такого духовного национального барьера: детские игры национального характера; торжественные церемонии, захватывающие национальное чувство и оставляющие навсегда неизгладимый след в душе патриота; гимнастические упражнения; исторические традиции; национальные, народные и бытовые празднества — вот те главные факторы, которые должны способствовать созданию духовного вала национального характера, долженствовавшего отделить польскую нацию от остального мира.

Как исторический пример, Руссо берет древних спартанцев, которые, уйдя в леса и горы Лаконии от турецкой тирании, продолжали там свободно жить, переноса стически свое изгнание. Живя подобно дикарям, порицая и ненавидя оттоманский деспотизм, спартанцы, когда настал благоприятный момент, собрали вокруг себя всех детей Греции у подножья статуи Свободы и торжественно поклялись свергнуть оттоманское иго или умереть с оружием в руках.

Далее автор говорит: «Чтите свои национальные

праздники, устраивайте чаще общественные, национальные развлечения, делайте так, чтобы для вас не было и не существовало бы ничего вне польского. Никогда не забывайте, что вы поляки, и вы будете существовать вечно. Соседи более могущественные могут вас победить, но они не смогут вас поработить. Нравы и обычаи — почти законы. Россия вас может проглотить, но она не сможет вас переварить»...

В другом месте он говорит: «Надо дать полякам то, что могло бы помочь им противостоять врагу. Эти средства: мужество и сознательность граждан; патристическая, национальная цель; особенности быта и национальные традиции могут дать их душам единственный барьер, который не разрушит никакая сила, никакое оружие. Если вы сделаете так, что ни один поляк не сделается русским, я утверждаю: Россия никогда не поработит Польшу».

Свои выводы и соображения французский энциклопедист заканчивает так: «Национально — исторические установления общества и народа создают характер, нравы и обычаи народа, которые делают народ именно таким, а не иным, и зажигают в нем горячую любовь ко всему своему родному и родине. Поляки должны проникнуться отвращением к смешению с народом, покорившим их. Должны сохранить любовь к национальной одежде и передать это чувство своему потомству и всегда помнить, что **все родное хорошо**... Не следует ругать русских: этим оказывалось бы им много чести. Молчание и частое упоминание об их варварстве и зверствах, и похвала тому, кто им сопротивляется, — красноречивее всего должны сказать все. Вы должны слишком презирать их, чтобы ненавидеть. Помните, что вы не будете свободны, пока хотя один русский солдат останется в Польше и угроза вашему государственно-му существованию будет существовать до тех пор, пока Россия будет вмешиваться в ваши дела»...

Приведя все эти выдержки из трудов Руссо, которые писались более сотни лет тому назад, я предлагаю всем казакам (хотя бы в минуты досуга) хорошенько поразмыслить над всеми советами и указаниями его, данными им польскому народу.

Не болеет ли сейчас Казачество теми же болезнями, какими болела в то время Польша, и не будут ли полезны и поучительны все эти советы и многим из казаков?

К стыду и большому прискорбию, приходится сознаться, что Казачество, подобно Польше того времени, еще не вышло из состояния хаоса, благодаря ссорам и несогласиям на почве личных интересов, мелкого честолюбия и большого самолюбия, мешающим слиться всем казакам идеологически в единый, мощный национально — политический монолит.

В чем кроется причина того, что Казачья нация до сих пор не может воспринять согласованную душу и установить идею государственности в сердцах своих, несмотря на неусыпные труды и более чем девятилетнюю работу неутомимых казачьих патриотов — националистов, зовущих все Казачество объединиться вокруг единой национально — политической, государственной идеи, выраженной кратко словами: «Казак — наша цель, наш девиз — Казачья Воля», начертанными на национальном ВК знамени, и слить все индивидуальные силы в единой непреклонной воле национального вождя, развернувшего в эмиграции знамя, грозившее было склониться к земле, выпав из рук казачьих титанов Воли, бессмертных казачьих героев, погибших в неравной борьбе за идею национальной, государственной независимости от русской руки?

Причин тому много. Постараюсь указать и разоблачить наиболее очевидные и главнейшие.

Благодаря неутомимой работе в трудных эмигрантских условиях редактора казачьего национального органа и Походного Атамана, национально — освободительное ВК движение, охватив широкие массы Казачества, начало принимать стройные организованные формы. Враги Казачества и его национально — государственной независимости забили тревогу и повели свою разрушительную работу по разединению национально-мыслящих сил его: на арене Вольно — Казачьей политической жизни в эмиграции появляется оппозиция...

Казачество, в период своего подданства бывшей России — более двух с половиной веков, эксплуатировалось и денационализировалось ею. Сейчас красная

Москва уничтожает или так же эксплуатирует угнетенное ею Казачество в оккупированной русскими Казакии. Вполне естественно и ясно, что у ВК национально-освободительного движения должна была существовать оппозиция из русских или обрусевших казаков, воспринявших русскую идеологию, а также и некоторые черты русского характера. Одним словом, в оппозиции Вольному Казачеству могли и должны были стать те, кому невыгодно по тем или иным причинам самостоятельное государственное существование Казачества.

Уже с первых дней выхода в свет национального ВК органа объявилась оппозиция ему в лице Войсковых Атаманов и остатков казачьих правительств, которые в тяжелую годину для Казачества проиграли казачье дело, служа интересам русской «белой идеи» во вред подлинным казачьим национальным интересам. Эти Войсковые Атаманы и обрусевшая часть войсковой старшины, заведшие Казачество в «белый» русский тупик, уронили, в конце концов, свой престиж и авторитет в глазах казачьей массы и лишились ее доверия. Казаки, видя, что Войсковые Атаманы не имеют ни национального казачьего лица, ни гражданского мужества сознаться в своих прошлых ошибках и грехах против Казачества, ни желания оставить гибельный московский путь и, вернувшись на исторический казачий шлях — дороженьку, честной и полезной работой загладить и искупить свои прежние антинациональные грехи, неудержимо устремились к своему казачьему берегу, становясь на путь казачьего национализма и предоставляя Войсковым Атаманам самим погребать остатки обанкротившейся русской «белой мечты».

Связав неразумно и преступно судьбу Казачества с русским «белым» движением, Войсковые Атаманы служили и заботились лишь о русских интересах, забывая подлинных казаков или же отодвигая их на задний план. Во имя русских интересов было пролито море казачьей жертвенной крови. Во имя тех же, чуждых Казачеству, интересов, Войсковые Атаманы запытали себя кровью лучших сынов Казачества, беззаветно любивших свою Казачью Родину, — казачьих патриотов и покрыли себя несмываемым позором Иудина греха. Обманув много раз обескровленное неравной борьбой с русскими Казачество и заведя его в эмиграцию, политические слепцы — Атаманы — не могли дать и указать казакам ясных, жизненных целей, за которые бы стоило Казачеству бороться и страдать в надежде на возрождение и лучшее будущее. Атаманы сами не имели казачьих целей и путей выхода из того тупика, куда они привели Казачество, ибо они служили и служат русским целям, подчинив казачьи интересы русским. Поэтому постепенный отход казачьей массы в эмиграции от Войсковых Атаманов и устремление ее к национальному ВК Центру и организованное сплочение в единый мощный казачий кулак вокруг Походного Атамана есть явление нормальное и логически неизбежное. «Иди за Мной и предоставь мертвым погребать своих мертвецов», сказал Спаситель ученику, который просил отпустить его похоронить отца, повествует Св. Ев. от Матфея в гл. 8, ст. 21-22.

Казаки искали выхода уже за границей из мертвящего русского эмигрантского болота, куда их завели их русские благодетели и их Атаманы. Из мрака отчаяния казаки потянулись к своему спасительному национальному свету, который освещал пути выхода из чужого тупика безнадёжности, дав им сперва надежду, а затем и крепкую уверенность в истинности вновь обретенного пути и глубокую веру в правоту своего национального дела и конечное достижение поставленных целей: **освобождение и национальное возрождение Казачества**. Неизмеримо велико просветительное политическое значение журнала «ВК» в деле пробуждения и развития национального казачьего сознания и неопределенные заслуги перед Казачеством редактора его и Походного Атамана в деле объединения и организации зарубежного Казачества, блуждавшего до того в политических потемках и разбредшегося по чужим дорогам.

И несмываемый позор тем обманутым и обманывающим, сознательным и несознательным, что из-за личного честолюбия, властолюбия или корыстных целей вносит хаос в ряды организованного ВК движения, сея раздоры и несогласия, хотя бы и одевшись в тогу националистов — патриотов.

Чем больше казаков из атамано — старшинской об-

русевшей оппозиции по национальному ВК органу будут знакомиться со своей прошлой историей и правдивым документальным изложением и освещением антинациональной — во вред Казачеству — политической работой обрусевших Войсковых Атаманов и старшины, и, образовываясь культурно, будут прозревать политически, тем быстрее они отойдут от политически-слепых вождей плохого прошлого, предоставив им в одиночестве плестись вслед за русской зарубежной колесницей. Таким образом руссофильская, логически — неизбежная атамано — старшинская оппозиция умрет своей естественной и тоже логически — неизбежной смертью.

Что же представляет собой новая так наз. «оппозиция», появившаяся открыто на сцене казачьей политической жизни на седьмом году плодотворной политической и организационной работы редактора журнала «ВК» и Походного Атамана И. А. Билого? Из кого она состоит и каковы причины ее возникновения?

Не соприкасаясь близко лично ни с кем из составляющих оппозицию и не будучи лично знаком ни с кем из них, сужу о ней и о них лишь по их журналу, бюллетеням, нескольким письмам некоторых из них с приглашением сотрудничать с ними, и по их способам и тактике неуместной и вредной борьбы с теми, кого они считают своими политическими противниками, и в то же время программу и идеологию которых всецело разделяют, как они сами о том пишут в своих изданиях. Такое политическое до-кихотство можно объяснить лишь политической незрелостью и нежеланием оппозиции учиться на исторических примерах других народов.

Возглавляющая оппозицию часть молодой казачьей интеллигенции — продукт современной эпохи политической неустойчивости и неопределенности, — заявив себя стопроцентными демократами — казачьими самостоятельными, подчинила идею и программную цель борьбы принципу демократизма, а не наоборот. Забывая, что нельзя подчинить главное второстепенному и, отрицая концентрацию всех индивидуальных, национально-мыслящих сил Казачества в единой, руководящей воле единого национального Центра, пытаются ввести в организованные ВК ряды, объединенные единой идеей и единой руководящей волей Походного Атамана, демократические принципы, которые, как мы видим на исторических примерах других народов, вели лишь к упадку национальной мощи данного народа, в то время как сильная руководящая воля одного патриота — национального героя, опирающаяся на идейно и национально объединенные индивидуальные силы народа, ведет народ и страну к верному и успешному достижению поставленных нацией актуальных жизненных целей и намеченных исторических рубежей. За примерами не надо ходить далеко, достаточно только внимательно присмотреться к современной мировой политической жизни.

От чтения оппозиционных изданий получается впечатление, что сама «демократическая головка» ее не прониклась всей важностью и высоким значением ВК национально — освободительной программы и намеченных целей. Начертав на своем знамени ВК идеалы, но не научившись подчинять свои инстинкты довлеющей идее, концентрируя все свои мысли на стремлении заместить собой Походного Атамана, она главную программную цель: организацию Казачества и борьбу за национально — государственную независимость, подчинили своей личной, низкой цели борьбы за власть и неуместной, преступной борьбой с казачьими патриотами-националистами и Походным Атаманом, затемнили перед многими ВК национально — освободительную идею, отодвинув на второй план служение ей и борьбу за ее воплощение в жизнь.

Кто имеет элементарные понятия о добром, злом, хорошем и плохом, тот может сам судить о моральном и идейном уровне оппозиции по их писаниям. Вся та словесная грязь, что заливают страницы их изданий, пачкает и унижает их самих, не оставляя никаких темных пятен на совести и чести тех, кому она предназначалась. Возглавляющие оппозицию люди хвалятся своим образованием и «интеллигентностью». Между тем, прямо поражает отсутствие у них здорового национального казачьего сознания и здоровой логики.

Для суждения об их своеобразной логике достаточно будет привести и разобрать выдержку из «цир-

кулярного письма» окр. атамана болгарского округа ес. П. Н. Кудинова. На стр. 22 в № 13-14 калмыцкого органа, издаваемого на русском языке: «Ковыльные Волны», читаем:

«Ковыльные Волны» есть печатный орган Калмыцкого народа, как союзной единицы федеративной Казакки, добровольно входящей в ее состав на началах равенства и братства. Кроме того, журн. «Ков. Волны» есть носитель идеи возрождения Калмыцкого народа, проповедник истории и культуры его, защитник национальных прав. Следовательно, И. Билый не имел права оскорблять национальное чувство Калмыцких патриотов попыткой закрытия их единственного в эмиграции печатного органа *). Только добровольное, разумное и братское сожительство народов дает положительные результаты и выдержит испытание в нашей совместной освободительной борьбе».

Логика и история государственного права устанавливают, что в случае вхождения какого-либо народа в состав какого-либо национально — государственного организма на федеративных началах, граждане этого народа делаются полноправными гражданами, равными перед законами того государства, в состав которого они добровольно, на началах равенства и братства вошли, но на них одновременно и автоматически ложится и обязанность работать и служить на пользу и процветание этого государственного организма, в данном случае Казакки. Если же эти добровольно — вошедшие граждане будут работать во вред и на разложение принявшего их государства, то они будут рассматриваться как политические, государственные преступники, угрожающие благополучию и существованию страны, и подлежат строгому суду, как враги нации.

Большим абсурдом с точки зрения элементарных правил логики, исторической аномальностью является издание журнала и проповедь идеи национального возрождения Калмыцкого народа на... русском языке. Насколько известно, в истории еще не было случая, чтобы народ, возрождаясь национально и исторически, менял бы свой язык. Видимо, Калмыцкий народ Балинова и Балькова в этом случае будет первым и, возродившись национально, забудет свой родной язык и будет говорить по-русски... А это как раз то, чего добивалась и добивается Россия от не-русских, поработанных ею народов.

От кого оппозиция хочет защищать национальные права Калмыцкого народа? Разве, войдя добровольно, на началах равенства и братства в Казачью Союзную Федерацию — Казаккию и ставши таким образом казакками, калмыки не делаются равноправными гражданами, равными перед законами Казакки, которые сумеют защитить и оградить их национальные права?

Непоследовательностью, неискренностью и лицемерием звучат слова из приведенного выше письма г-на Кудинова... То, что г-н Кудинов только собрался проповедывать, И. А. Билый больше девяти лет стремился воплотить в реальную действительность и, как редактор национального ВК органа, объединяя честных казачьих патриотов под казачьим национальным знаменем, и как Походный Атаман ВК, неуклонно ведущий Казачество по его историческому пути к ясно поставленной определенной национально — государственной цели: «Казаккиа — наша цель, наш девиз — Казачья Воля», — слова, которые начертаны не только на ВК знамени, но и в сердце каждого честного казака — националиста.

*) Я до сих пор не видел этого номера «К. В.» и о своей «попытке закрытия» Балиновского органа узнаю впервые из настоящей статьи. Считаю, что такое утверждение Кудинова (и органа, его напечатавшего) является классическим примером неумной демагогии и непроходимой глупости. Я до сих пор, к сожалению, не мог помешать ни Кудинову, ни Балинову делать все то, что им вздумается.

Возможно, конечно, что преследовалась здесь иная цель. Ввиду того, что оппозиция проиграла, подобные утверждения выдумываются ею для того, чтобы самих себя делать «мучениками», — авось, у кого-нибудь поднимется к ним интерес, так низко уже упавший.

И. Билый.

Б. ЛУБЕНСКИЙ.

Андрэ Жид о СССР

(«РАЗОЧАРОВНИЕ» КОММУНИСТИЧЕСКОГО СНОБА)

(Окончание).

Характеризуя «нового» человека, А. Жид не раз и усиленно подчеркивает полное обезличение советского обывателя. Ему показывали колхозы, это «замечательное» достижение коммунистического строя. Показывали, конечно, наилучшие, образцовые колхозы. А. Жид описывает один из таких колхозов в окрестностях Сухума, так называемый «колхоз — миллионер», занимающий на берегу Черного моря большое пространство, среди роскошной растительности, с большим садом, фруктовыми деревьями, цветами, огородами и проч. (Это, очевидно, бывшее имение какого-то «разеранного» буржуа. — Б. Л.). А Жид уверяли, что колхозники делят между собой полностью все доходы и ничего не обязаны отдавать государству; даже А. Жид отнесся к этим заверениям с большим недоверием. Шеф колхозной бригады (56 душ) с гордостью рассказывал, что условный рабочий день у них оплачивается по 16 руб. 50 коп. и что при желании колхозник может выработать два и даже три таких рабочих дня (по 16 р. 50 к.) в течение одного астрономического дня. В месяц заработок колхозника в среднем равняется 600 руб. Но если перевести рубли на франки, что и делает А. Жид, то картина получается не особенно блестящая: «Покупательная стоимость рубля, — говорит он, — не превышает одного франка; больше того, некоторые съестные продукты и притом первой необходимости (яйца, молоко, масло и др.), не говоря уже об одежде, стоят еще очень дорого». Таким образом и выходит, что советские «миллионеры» в действительности получают максимум по 500 — 600 франков в месяц. «Для неквалифицированных рабочих дневной заработок равняется 5-6 рублей в день. Черноработный зарабатывает еще меньше», с грустью говорит А. Жид. Для нас очевидно, что французскому рабочему месячный заработок в 100-150 франков представлялся бы совершенно неприемлемым и что «советский рай» по одной этой причине показался бы ему адом, чем в действительности он и есть.

Осмотрел А. Жид в этом колхозе жилые помещения, и они поразили его своей обезличенностью, шаблонностью, отсутствием всего, что характеризовало бы индивидуальный вкус обитателей: всюду одинаковая и скверная мебель, всюду портреты Сталина, и ничего другого, никаких личных предметов, никаких «сувениров». Каждая квартира похожа на все остальные. А. Жид даже предполагает, что колхозник, переменив одну квартиру на другую, даже не заметит этого.

Это так в богатом колхозе, который специально показывает иностранцам, которыми перед ними хвастаются. А что же в бедных колхозах? — В «них», — говорит А. Жид, — и речи нет об особых квартирах: колхозники ночуют в «дортуарах», т. е. попросту говоря, в казармах.

В результате осмотра т. наз. образцового колхоза А. Жид приходит к меланхолическому заключению: «Всёобщее счастье получается единственно лишь путем обезличения каждого. Чтобы быть счастливым, надо приспособляться».

Нам кажется, что единственным выводом должен быть тот, что надо уничтожить и колхозы, и весь строй, их создавший.

✱

А. Жид восхищается своим пребыванием в Крыму среди детей — пионеров, собранных со всего СССР, среди советских «вундеркиндов».

С удовольствием вспоминает он также о своем пребывании в Сочи, городе — курорте на Черноморском побережье (до 1896 г. он входил в состав Кубани). Тут ему понравились отели, великолепные сады, многочисленные санатории, дома отдыха вокруг города, чудесно обставленные. «Удивительным здесь является то, — говорит он, — что вся эта роскошь, этот комфорт предоставлены в пользование народа, если, впрочем (добавляет он, со свойственным ему скептицизмом), те, что

приезжают туда, не составляют категории новых привилегированных («знатных людей». — Ред.).

«Что все это построено для работников, это очень хорошо,» говорит он далее, — но тем более приходится морально страдать, когда совсем рядом видишь рабочих, занятых на постройке нового театра, очень скверно оплачиваемых за свою работу и размещенных в гнусных бараках...

А. Жид верно угадал, что всеми этими благами пользуется не народ, а только единицы, приспособившиеся к советскому режиму, новое служилое сословие, новые «дворяне». Не знал он только того, что все эти и крымские, и сочинские, и сухумские отели, санатории и дома отдыха были построены в свое время буржуями, а совсем не советским правительством, «заслуга» которого заключалась лишь в том, что оно отобрало их от собственников, организовано ограбило их. Если во Франции был бы большевизм, той же участи подвергнется несомненно и вилла г. А. Жид, которую тоже могут превратить в дом отдыха.

Еще с большим восторгом говорит А. Жид об отеле «Синоп» вблизи Сухума, с его замечательным садом. (Действительно замечательный сад «Синоп», как мы помним, принадлежал известному садоводу и цветоводу Ноеву. — Б. Л.). «Отель «Синоп», — восклицает А. Жид, — кажется одним из мест в этом мире, где человек находится ближе всего к счастью!».

Рядом с отелем «Синоп» устроен совхоз со специальной задачей поставлять продовольственные отели. Нам это представляется так: приезжают новые бары из Москвы нагулять жиру и пофлиртовать на морском берегу, а чтобы было кому их кормить, советское государство устроило «экономию», приписав к ней крепостных новой формации с бурмистром, пастухами, кучерами, коровницами, птичницами, огородниками, садоводами, цветоводами и пр. Все в этом совхозе вызывало удивление А. Жид: образцовая конюшня, образцовые хлевы, образцовые свинарники и особенно — грандиозный птичий двор по последнему слову «курной» науки. Каждая курица носит на ноге кольцо с номером; каждая имеет свой бокс, свое отдельное в нем гнездо, где должна снести свое яйцо и откуда ее раньше не выпускают. И в то же время А. Жид удивляется: «Я понять не могу, как это при такой заботливости, яйца, что нам подавались в отеле, не были наилучшими», т. е. собственно говоря, — были дрянными.

Чтобы проникнуть в помещения, предназначенные для скота и для птиц, нужно было пройти по особому ковру, намоченному стерилизующей жидкостью, чтобы обеззаразить башмаки, чтобы не занести заразы социалистическим курам и свиньям.

Тут же рядом разительный контраст: перейдя ручей, являющийся границей совхоза, попадаешь в трущобы, растянувшиеся в линию. Там, в этих трущобах, живут люди (очевидно, местные жители — абхазцы, грузины, имеретины. — Б. Л.), по 4 души в комнатке размером 2 × 2½ метра, с платой по 2 рубля в месяц с персоны. Обед в совхозной столовке стоит 2 рубля, роскошь, которую не могут позволить себе те, месячный заработок которых не превышает 75 рублей (т. е. 75 франков!); питаются они хлебом и сушеной рыбой.

А. Жид приподнял лишь краешек занавеса, за которым проходит советская жизнь, и мы видим там: для новых «хозяев земли русской» — прекрасные отели, чудесные сады, для свиней — великолепные свинарники, а для строительных рабочих — мизерная плата и грязные бараки; для местных жителей — логова и черствый хлеб. Впрочем, как знаем, у этих и хлеб не всегда бывает. Им предоставляется «свобода» умирать с голода.

✱

Две-три страницы А. Жид посвящает беспризорным детям. Он надеялся, что в СССР их больше уже нет. Но Севастополь ими изобилует; а еще больше их

в Одессе. Иногда это совсем малыши восьми, десяти лет. Нынешние беспризорные, это уже не те, что были раньше. «У сегодняшних беспризорных родители живы, быть может; дети убегают из родного села иногда ради приключений (это 8-10-летние!); а чаще потому, что они не представляют себе, чтобы в другом месте можно было такими несчастными и голодными, как у них в селе».

Компаньоны А. Жид присутствовали при облаве на беспризорных, устроенной милиейскими. На вопрос, что делают с пойманными детьми милиейский ответил, что их отправляют в дома для детей. Но на другой день, говорит А. Жид, все беспризорные были снова на свободе. Ребята говорили, что их не захотели держать в детдоме.

Здесь интересно отметить, что когда А. Жид говорит о Москве, Ленинграде, он не вспоминает о беспризорных; они у него появляются на Украине, в Крыму, вне пределов Московии. И далее, что главной причиной этого явления есть голод среди населения сел, среди хлеборобов, в большинстве загнанных в колхозы.

Интересуясь успехами антирелигиозной борьбы, А. Жид посетил в Ленинграде антирелигиозный музей (в Исаакиевском соборе); сам по себе музей не произвел на него впечатления чего-то отвратительного.

В Херсонесе (вблизи Севастополя) А. Жид осматривал археологический музей, устроенный в церкви. Стенная живопись сохранена, но к картинам и образам приведены соответственные «пояснительные» надписи. Например, под образом Христа значится: «Легендарная личность, никогда не существовавшая».

Еще дальше от московского центра, в церкви вблизи Сочи, А. Жид присутствовал во время танцев. «На месте, где раньше стоял престол, под звуки фокс-тротта или танго кружатся пары», эпически говорит А. Жид.

А в конце концов, даже он, человек неверующий, должен был сказать: «Отрицание Евангелия и всего того, что от него исходило, не проходит без того, чтобы человечество и культура не оскудели самым жалким образом». Сказал это человек, связывавший будущность мировой культуры с судьбою СССР!

В СССР А. Жид поразило всеобщее невежество, самодовольство и невероятное хвастовство, бахвальство. Для правящих советских сфер самое главное, как он утверждает, заключается в том, чтобы убедить всех, что советские люди счастливы, как только можно быть счастливыми в ожидании лучшего, и что, наоборот, везде в других странах люди менее счастливы, чем в СССР. Этого прежде всего можно достигнуть тщательным изолированием своих подданных от всякого общения с внешним, заграницным миром, сделав из СССР своего рода «закрытую вазу» (vase clos).

Этой же цели одурачивания советских обывателей служит вся система воспитания. «Мы воспитываемся в СССР», — говорит А. Жид, — чрезвычайным порывом к просвещению, к культуре; но все обучение там заключается в том, чтобы довести ум к состоянию радования существующим в СССР порядком и к мысли: О, СССР... Слава! Ты единственный в мире!» Критический разум тут почти совершенно отсутствует.

Издали А. Жид восхищался «самокритикой» и думал, что она может дать чудеснейшие результаты. Однако, вскоре он должен был понять, что эта критика состоит в том, чтобы спрашивать себя, согласованы ли то или иное дело, жест, теория с «линией». Саму «линию» критиковать нельзя, и горе тому, кто стал бы этим заниматься.

«Нет ничего более опасного для культуры, чем подобное настроение умов», с ужасом говорит А. Жид.

Советская молодежь обрабатывается в умственном отношении на один фасон и до такой степени, что молодые люди не отдают себе отчета в своем интеллектуальном порабощении.

Как результат невежества и незнания заграничной жизни, у советских людей выросло чувство превосходства над иностранцами и самохвальство. А. Жид приводит свой разговор со студентом на тему о том, почему советская молодежь не знает чужих языков. «Что ж, — сказал этот студент, — еще несколько лет тому назад Германия и Соединенные Штаты могли нас кое-

чему научить, а в настоящее время нам нечему у них учиться. А тогда для чего говорили на их языках?»

А. Жид спрашивали, есть ли в Париже метро, как в Москве, — и когда он отвечал, что парижское метро уже давно существует, ему не верили.

Его также спрашивали, есть ли во Франции школы.

Его уверяли, что все французские рабочие очень несчастны, так как там еще не было сделано революции.

Вообще для советских граждан, «вне СССР — это ночь». За исключением нескольких капиталистов, все остальные прозябают в темноте, в неведении.

В обществе морских офицеров А. Жид уверяли, что не найдется в целом мире столько бумаги, чтобы напечатать обо всем новом, прекрасном и великом, что делается в СССР, что газета «Правда» обо всем происходящем за границей осведомляет их совершенно полно, и тому подобное.

Не раз и с особенной силой А. Жид подчеркивает, что в СССР раз навсегда установлено, что **все должны иметь лишь одно мнение, все должны одинаково думать**. Каждое утро газета «Правда» оповещает, что нужно знать, как думать, как верить. И отступать от этого не рекомендуется. «Каждый раз, когда говоришь с русским, выходит, будто бы говоришь со всеми русскими... Подумайте, — восклицает А. Жид, — что такая обработка ума начинается с самого раннего детства»...

В настоящее время от всех требуется «восприимчивость», приноравливание, больше того — одобрение всего, что делается в СССР. При этом хотя бы, чтобы это одобрение не было лишь безропотным, но также искренним и даже восторженным. Больше всего А. Жид удивлялся, что в СССР этого достигают. Малейший протест, малейшая критика подлежат наихудшим наказаниям и в конце концов сейчас же подавляются.

Восстановление семьи, частной собственности (заметим от себя — в очень ограниченных размерах), восстановление права наследования А. Жид объясняет только страхом перед гитлеровской Германией. Делается это для того, чтобы привить советскому обывателю чувство, что он имеет защищать нечто свое, личное.

Другой страх правители СССР испытывают перед «троцкизмом». В сущности, «троцкистами» там именуются все, кто не проявляет полного подчинения, приспособляемости, кто не объявляет себя довольным существующим режимом.

Имя Сталина у всех на устах; его неизбежно славолюбия во всех речах; его портреты А. Жид видел везде. В частности, в Грузии он не мог войти в жилую комнату, какой бы скромной и грязной она ни была, чтобы не видеть портрета Сталина на том месте, где раньше, очевидно, висела икона.

«Что это, — недоуменно спрашивает А. Жид, — обоготворение, любовь или страх? Я не знаю; но всегда и везде Сталиц там!».

Большевистская революция обещала, говорит далее А. Жид, диктатуру пролетариата. Очевидно, диктатура есть, но диктатура одного человека и во всяком случае не диктатура «объединенных пролетариев», не диктатура советов. Это не то, чего хотели. Шаг дальше, и можно сказать: это именно и есть то, чего как раз не хотели.

«Я сомневаюсь, — заключает А. Жид, — чтобы в настоящее время в какой-либо другой стране, не исключая даже Германии Гитлера, мысль была менее свободна, более прижата, более боязлива, терроризована и более закреплена», чем в СССР.

В этих словах содержится наиболее тяжкое осуждение советского режима.

Что, собственно, значит закрепощение мысли? Ведь в этом закрепощении выражается самое полное порабощение всего человека, подавление человеческой личности. Если не свободна мысль, то ни о какой иной свободе и речи быть не может: ни о свободе политической, ни о свободе религиозной, ни о свободе научной, ни даже о свободе индивидуальной, как о праве располагать самим собой, своими поступками, иметь собственные взгляды, убеждения, симпатии и антипатии. Режим, основанный на полном подавлении личности, превращает государство в страшную всеобщую тюрьму, где есть лишь две категории людей: ожиревшие, развращенные властью тюремщики, с одной стороны, и обезличенные, задыхающиеся в неволе обыватели, с другой. Вот что, в сущности, сказал нам А. Жид в только что цитиро-

ванной нами фразе. Это, так сказать, заключительный аккорд, обобщение всех его наблюдений за время путешествия по СССР.

Как человек крайне левых убеждений и к тому же француз, он в высокой мере не любит гитлеровскую Германию, ее нынешний политический режим. И несмотря на это, он Германию все-таки ставит выше в смысле свободы человеческой личности, чем свой недавний идеал, предмет своей пламенной любви и восторгов — единое в мире коммунистическое государство — СССР. Очевидно, не мало усилий и мужества стоило А. Жиду написать об этом публично, во всеобщее сведение.

**

Для нас, казаков, и в этом констатировании СССР, как тюрьмы народов и отдельных людей, и в других наблюдениях А. Жиды нет, в сущности, почти ничего нового. О гнусном советском режиме мы знаем больше, чем то, о чем нам сообщает он в своей книге. Он там ни слова не говорит о продолжающихся массовых расстрелах, о массовых же ссылках казаков и неказачков в Соловки, в сибирские тундры и другие гиблые места; о сотнях тысяч заключенных в концентрационных лагерях; о принудительных, каторжных, смертоносных работах на каналах и болотах, на лесозаготовках, по постройке шоссейных и железных дорог и в других предприятиях ГПУ; о ежегодных ограблениях колхозников и единоличников — хлеборобов Казаккии и Украины; о вымирании от голода; о восстаниях, и пр., и пр., и пр. А. Жид об этом не пишет, вероятно, потому, что сам он всего этого не видел, а «верные товарищи» Болы и Ко, разумеется, ему этого не показывали и об этом не рассказывали.

Но хорошо и то, что раздался, наконец, громкий голос поклонника Советов, сказавшего хотя бы частицу правды о СССР морально развешивающего преступную советскую систему. И эту правду услышат в Зап. Ев-

ропе многие и многие тысячи людей. А то, ведь, за последнее время тут создался своего рода мода на большевиков. Считалось как бы дурным тоном говорить и писать о них что-либо плохое. Превозносились их несуществующие «достижения».

Объясняется это просто: ожидали, что большевистским клином можно будет вышибить клин фашистский, националистический. В этой отравленной большевистской ложью атмосфере становилось просто трудно дышать.

А. Жид начал, так сказать, кампанию за правду. И это его слово тем больше будет иметь силы и значения, что исходит оно не от врага, а от друга, от «своего» или вернее — от человека, который еще до сих пор воображает себя коммунистом.

В этой кампании за правду А. Жид не остается одиноким. Пример, как известно, заразителен. Вслед за ним выступает с еще более резкой критикой советского строя другой известный французский писатель Селин. За Селином идет не менее известный публицист Роланд Доржелез с серией статей в газ. «Энтрэнсижан».

Очевидно, проходит мода на большевиков. Проходит временное затмение или, вернее сказать, затемнение в умах, вызванное разными причинами. И если в нашем журнале уже говорилось о начавшейся политической изоляции большевиков, то можно также утверждать, что начинается и моральная их изоляция от Зап. Европы. А тем самым, безусловно, облегчается борьба с большевизмом и тут, за границей, и там, в наших Краях. Там наши братья казаки и наши соседи, у которых не умерла любовь к свободе, читая в советских газетах чуть ли не площадную ругань по адресу тех, кто пишет здесь о них правду, поймут, что в своей борьбе за свободу они в 3. Европе найдут в себе сочувствие, а с ним в нужный момент и реальную помощь. Это сознание усилит их волю к борьбе со своим заклятым врагом, московским поработителем, нарядившимся в коммунистический зипун.

Дорогие Вознесенцы!

16 лет прошло, как мы оставили свою родную станицу с ее прекрасными садами, в которых она буквально утопала, с ее широкими полями... Оставили все это под давлением русских мужиков, которым дали приют и дали возможность богатеть на нашей земле, добытой потом и кровью наших славных предков.

16 лет пришельцы из России пользуются нашим добром, как частным, так и общественным. А добра этого мы оставили там немало. Не буду говорить о частном, скажу только об общественном.

Начиная с 1898 г., мы, вознесенцы, построили, кроме существовавшего одного двух-классного училища, шесть начальных школ, станичное правление (после отданное под гимназию), церковь на хуторе Фисенко, в центре станицы собор — по плану Войскового собора в Екатеринодаре, с тремя престолами: во имя Покрова Пресвяты Богородицы, во имя Святой Троицы и во имя Успения Пресвятой Богородицы. Построили здание для приемного покоя, техническую школу, общественный магазин, кирпично — черепичный завод. Кредитное товарищество имело два собственных дома. В одном помещалось само, второй был отдан в пользование станичному правлению. И, наконец, общество потребителей имело собственное здание.

В 1919 году наше Войсковое правительство у г. Болтенко купило сельско — хозяйственную школу, преобразовав ее в среднее сельско — хозяйственное училище. Постройки и место, где находилась школа, не соответствовали преобразованному училищу, тогда станичный сбор из своего юрта выделил 100 десятин лучшей земли за мостом Фисенко.

Все эти постройки, содержание персонала, учебные пособия для всех школ, отопление, освещение, содержание четырех приходов (на хуторе Фисенко, два в центре станицы и староверческий) — строились и содержались за наш собственный счет.

К этому нужно еще прибавить, что мы, казаки, в мирное и военное время отбывали воинскую повинность тоже за свой счет. А за довольствие и выдаваемое

жалованье нижним чинам и половину офицерского оклада возвращало наше Войско российской казне. Даже лагерные сборы отбывали мы с своими сухарями.

Дорогие станичники, 16 лет скитаетесь вы по всему белу свету. Скажите откровенно: видели ли вы хоть одно государство, где бы его граждане отбывали воинскую повинность за свой собственный счет в мирное и военное время? Видели ли вы хоть один город, село, чтобы все общественные здания для городских и сельских управлений, школы, больницы, церкви, мосты, дороги, содержание всего персонала, обслуживающего все нужды населения, — строились и содержались за счет города или села без всякого участия государства?

Напомню вам, станичники, как и при каких трудных обстоятельствах была открыта у нас гимназия и как русское правительство насаждало у нас среднее образование.

После революции 1905 — 6 г. г. в нашем обществе образования, в которое входили членами соревнователями казаки, возник вопрос об открытии своей гимназии. Этот вопрос на станичном собрании встретил широкую поддержку. Станица приступила к проведению в жизнь этой прекрасной идеи, хотя на своем пути встретила много препятствий, как со стороны бывшего наказного атамана Бабича, так и российского министра народного просвещения.

Представителям от станицы, явившимся лично к наказному атаману с просьбой об открытии гимназии, он сказал: «Казаку нужен конь и широкое поле, а не гимназия. Достаточно ему окончить начальную школу».

Министр народного просвещения сначала в категорической форме отказал дать разрешение на открытие гимназии. В конце концов, на настойчивую просьбу станицы, дал разрешение, при условии, что из средств государства он не может дать ни одной копейки, как на постройку здания, так и на содержание учительского персонала. Кроме этого, потребовал от станицы подписку, что она обязуется содержать гимназию на свой счет

и в обеспечение обязательства представить известную сумму денег.

Принимая во внимание большое желание населения иметь у себя среднее учебное заведение, несмотря на такие тяжелые условия, поставленные Министерством на родного просвещения, станичный сбор их принимает и, за неимением наличных средств, в обеспечение существования гимназии выделяет из своего юрта 2000 десятин земли. И в 1919 году были выпущены первые воспитанники нашей гимназии, в большинстве случаев дети казаков нашей станицы и других ближайших станиц и хуторов.

Но об одном особенно беспокоилось русское правительство. Давая нам разрешение на открытие гимназии и отказывая в ее содержании, в то же самое время в нашей станице оно вводит полицию в составе пристава и 24 человек городовых, которые набирались из местных иногородних. После «бескровной» русской революции, эти городские стали первыми и ярыми защитниками ее «завоеваний», а впоследствии настоящими большевиками.

Легко понять, как возмущались наши отцы таким отношением русского правительства к казакам... Иногда пристав вмешивался даже в наши внутренние дела...

Но это были только цветочки, а ягодки обявились позже...

После свержения монархии в России в 1917 г., временное правительство ввело на местах комитеты общественной безопасности. Такой комитет образовался и в нашей станице. Членами комитета были иногородние и представители от казачьего населения. В число последних входил и пишущий эти строки.

На первом организационном собрании мы выбрали председателя и секретаря комитета. Но сейчас же между иногородними и нами, казаками, во главе с председателем (им был выбран директор гимназии Н. И. Садиков), произошел разрыв. Как только закончили выборы президиума комитета, иногородние внесли предложение о разделе хлеба из общественного магазина бедным иногородним. Как председатель комитета, так и мы, казаки, самым решительным образом заявили, что этот хлеб принадлежит только казакам и только они имеют право им распоряжаться.

После этого мы покинули заседание и больше в комитет не вернулись.

Началось двоевластие. С одной стороны — комитет общественной безопасности, с другой — станичное правление, во главе со станичным сбором и атаманом. Комитет стремился в революционном порядке всю полноту власти захватить в свои руки и всех жителей станицы, как иногородних, так и все казачье население «уравнять» во всех правах, включительно до раздела юртовой земли. Станичное правление самым решительным образом заявило, что мы являемся у себя полными хозяевами всего своего и ни за что не потерпим посягательства иногороднего населения на наше право, на наше достоинство, а так же не допустим вмешательства их в наше управление станицей.

Положение сильно обострилось после захвата власти большевиками в Петрограде 25 октября 1917 г. Комитет, исполняя директивы новой русской власти, окрыленный победой большевиков, окончательно перешел в наступление на станичное правление, требуя признания советской власти. Мы, казаки, категорически отказались признать новую русскую власть, предложили иногороднему населению местную власть образовать на паритетных (равных) началах. Предложение было принято и была образована комиссия (тоже на равных началах) для организации местной власти.

Заседание новой комиссии происходило в помещении станичного правления в то время, когда заседал и станичный сбор. Членам комиссии от казачьего населения, от станичного сбора даны были инструкции: ни в коем случае и ни под каким видом не признавать советской власти, законной же властью в Кубанском Крае считать Радугу, Войскового Атамана и Войсковое правительство.

Представители от иногородних с нашими предложениями не согласились, равно, как и мы, казаки, не признали советской власти. Произошел полный и окончательный разрыв.

Члены комиссии доложили станичному сбору, вернее всему собравшемуся казачьему населению о резуль-

татах работы комиссии. Последний единогласно и без колебания постановил: не признавать советской власти, всеми возможными средствами поддерживать Радугу с выбранными ею Войсковым Атаманом и свои права защищать до конца, — если нужно будет, то и с оружием в руках.

Принимая такое решение, станичный сбор хорошо знал, что настает решительный момент и что одними словами впредь не отстоять нам своих прав на наше бытие, а придется действовать силой. Поэтому на этом же сборе была образована военная комиссия. (Лица, входившие в эту комиссию, по понятным причинам, не называю).

Военная комиссия подготовила все необходимое для ликвидации комитета общественной безопасности, который между тем усиленно занялся организацией бежавших с фронта товарищей. 14 февраля 1918 года этот совет был разогнан. С этого момента и началась вооруженная борьба с русскими пришельцами.

Как вы помните, станичники, в это время в нашем управлении отдела в Армавире уже была образована советская власть, а мы этой власти не признавали. Со дня на день нужно было ожидать наступления большевиков. Его нам не пришлось долго ждать и 4 марта 1918 года, русские люди, именовавшие себя большевиками, вооруженные до зубов, подошли к нашей станице, ожидая, что мы встретим их с хлебом — солью. Но вы, гордые, вознесенцы, потомки славных запорожцев, не изменили своему слову и встретили их с оружием в руках.

Отстоять все же свою станицу и вести с ними настоящую войну одни мы были не в силах. Пришлось, скрепя до боли сердце, временно подчиниться этой Богом проклятой власти.

Занятие красными нашей станицы обогрилось казачьей кровью. Был убит в своем дворе Николай Хахалев, а все казачье население разных возрастов было арестовано. Этими арестованными наполнили все имеющиеся в станице подвалы. Началась вакханалия красного вампира... Новая русская власть буквально терроризовала казачье население и, с военной стороны, казалось, что из создавшегося положения никакого выхода нет. И тем не менее, несмотря на такой страшный террор, дух Вольного Казачества у вас, вознесенцы, остался жив.

Под руководством есаула Солодского (убит потом при взятии Ставрополя в должности командира 1-го Лабинского полка, в чине полковника), началась подготовка к свержению власти русских пришельцев, в которой вознесенцы приняли горячее участие. 5 июня 1918 года восстали станицы Упорная, Лабинская, Владимирская, Зассовская, Чамлыкская и др. В этом восстании вознесенцы не приняли участия только потому, что поздно было получено распоряжение о выступлении. Была ли это ошибка со стороны возглавителей, или предательство (тогда об этом усиленно говорили), установить не пришлось.

Это восстание, к глубокому нашему горю, успеха не имело и красные победители казакам отплатили морем крови. Особенно пострадали станицы Лабинская, Зассовская, Владимирская, Упорная и Чамлыкская, где казачье население, главным образом, старики (молодые были в армии), были уничтожены.

Например, в станице Упорной, в своей квартире, эти палачи расстреляли даже офицера в отставке, совершенно слепого на оба глаза, Маймулина, а на улице расстреляли юношу, воспитанника Кубанского реального училища, тоже Маймулина.

После этого неудавшегося свержения новой русской власти, вознесенцы не опустили рук и не пали духом. С твердой верой в свою правоту и надеясь только на самих себя, снова и с большей энергией начали готовиться к новому восстанию против оккупантов нашей станицы. В первых числах сентября 1918 года, когда казаками и добровольцами был взят г. Армавир, большевики мобилизовали буквально все мужское население и отправили на фронт. Большинство мобилизованных казаков сгруппировалось вокруг своих офицеров — сотни ка Т. С. Вакуленко и хорунжего М. Я. Звягина и эта часть (так называемый Вознесенский отряд) была расположена на хуторе Синюха.

Как только стало известно о занятии казаками станицы Урупской, вы, вознесенцы, снова взлетаете. Унич-

тожив в своем отряде политруков, политкомов, вы бросились освобождать свою станицу.

Большого труда не стоило выгнать из станицы большевиков, но трудно было ее удержать, т. к. станица была окружена со всех четырех сторон красными. Пришлось ее снова оставить и, с большим трудом и с риском для жизни, почти все мужское население ушло за Кубань.

При занятии вами станицы, был захвачен комиссар А. И. Гурский, к глубокому нашему стыду, казак нашей станицы. За его предательство, за его участие в казни почти ста человек казаков станицы Упорной, он заплатил своей головой.

Во время гражданских похорон комиссара А. И. Гурского и других товарищей, русские люди во главе с новым комиссаром Федотом Снегуровым, на гробах, покрытых красной тряпкой, рубили головы нашим отцам и братьям. В этот день, во главе со священником о. А. Ивлевым (казак ст. Ханской), было казнено 90 человек и брошены в одну могилу.

Станичники, склоним свои головы перед памятью этих мучеников, погибших от рук палачей за счастье и волю казачью!

После окончательного освобождения станицы 4 октября 1918 г. 1-м Уманским полком (под командой тогда полковника Остроухова), батальоном пластунов и самих вас, вознесенцы, мы приступили к разборке могилы, куда были брошены казенные 11 сентября. Положение трупов показало, что большинство было погребено полуживыми.

Дорогие станичники, кто же уничтожал наших отцов и братьев тогда и продолжает уничтожать до сих пор?

Кто залил морем крови станицы Урупскую, Владимирскую, Зассовскую, Лабинскую и Чамлыкскую?

Какой национальности были эти палачи? — То были настоящие русские люди, которые все, как один, восстали против нас, начиная от богатого и кончая самыми бедными. Принимали ли участие на нашей стороне, если так можно сказать, наши буржуи: Молодкины, Мирошниченко, Разутовы, Коробкины, Шаровы, Ерохины, Шевцовы и др.? — Нет! Интеллигенция, в лице народных учителей, осталась тоже совершенно пассивной, а их в нашей станице было не мало.

Скажите, станичники, хоть один человек из иногородних поплатился своей головой во время этой войны от своих же иногородних? — Ни один!

Все вышесказанное говорит за то, что война эта была войной двух народов (а не двух партий!), совершенно отличающихся друг от друга своими бытовыми условиями, своей культурностью и своим пониманием народоправства.

Вы восстали в феврале 1918 г., не приняли участия в июне 1918 г. только по некоторым причинам, а всей душой и, как один, были на стороне восставших каза-

ков. В сентябре 1918 г. снова поднимаете свое оружие против оккупации русским народом нашей станицы.

Восставая с оружием в руках против насилия пришельцев, вы хорошо знали, что рискуете своей жизнью.

И, наконец, в августе 1920 г., когда видно было, что уже все потеряно, вы опять решили не допустить оккупации станицы.

Неужели вы тогда думали о спасении русского народа против его собственного желания?

Неужели вы приносите себя в жертву для счастья и благоденствия русского народа? Нет, нет и нет!

Вы взяли за оружие и подняли его именно против русского народа, который первый силою оружия хотел навязать вам свою власть, а вы хотели отстоять свое право на свой порог, на наше достоинство, которое создали собственным трудом, без участия этого пришлого элемента.

Борьба эта продолжалась почти три года и мы вынуждены были оставить нашу родную станицу на поток и разграбления и уйти в неизвестность. Мы были победены физически, но духовно — нет!

Не победили казачьего духа русские цари (Петр 1-й, Екатерина II-я), не победить его и красной Москве!

Первые годы нашего вынужденного пребывания на чужбине много было выпущено казачьей литературы, посвященной прошлой войне с русским народом и касающейся будущих казачьих отношений к будущей России. Никто не указал главной причины нашей неудачи в прошлой войне, как и не разрешил казачьего вопроса для будущего. Только один журнал «ВК», вышедший в Праге 10-го декабря 1927 года под редакцией И. А. Билого (теперь Походного Атамана ВК) с первого же номера указал причину нашей неудачи в прошлом и поставил ясную для казаков всех казачьих Войск программу.

Причиной нашей неудачи является то, первое, что все казачьи Войска боролись каждое в отдельности, а второе, что мы, казаки, свою прошлую борьбу связали с теми русскими людьми, которые казачьими руками хотели восстановить свои старые права, отнятые у них тоже русскими людьми — только красными. Программа же журнала «ВК» — **освобождение всех Казачьих Земель от оккупации русского народа, какого бы не был он цвета, и образование своего государства Казакии.**

Журнал «ВК» вступил уже в десятый год своего существования. Обращаясь к вам, дорогие вознесенцы, с горячим призывом, во имя пролитой крови нашими отцами и братьями, во имя светлого будущего всего Казачества — статью под знамя «Черного Всадника», на котором начертано:

Казакия — наша цель. Наш девиз — Казачья Воля!

В добрый час, славные вознесенцы!

Долой оккупантов! Да здравствует Казакия!

И. Тищенко (Франция).

Казачья эмиграция

ВК в Югославии

ПО ВК ОКРУГУ.

1. 13 февраля с. г. в г. Нише образовалась Вольно-казачья имени А. И. Кулабухова станица.

Утверждаю таковую во главе с избранным правлением.

Начальником пропагандного отдела назначаю И. И. Федаша. Помощниками его — все станичное правление.

Приветствую от имени Округа молодую казачью национальную организацию со вступлением в ряды борцов за светлые идеалы своего народа.

2. Отмечаю большие заслуги в деле ВК пропаганды окружного контролера К. А. Карнаухова и атамана Грделицкого хутора Е. М. Кичкаря.

3. Всем казакам, помогавшим хор. Карнаухову в деле создания вк. станицы в Нише, от имени всего Округа — казачье спасибо!

Окружной атаман инж. Н. Букин.

В НИШЕ.

Образование ВК станицы.

1937 года, февраля 13 дня. г. Ниш, Югославия.

Мы, нижеподписавшиеся казаки Матери Кубани, Тихого Дона, Украины, Ставрополя и Астрахани, проживающие в г. Нише, собравшись сего числа под председательством **Ивана Ильича Романова-Аслан Бека**, имели суждение о том, чтобы организовать в г. Нише Вольно-казачью станицу и присоединиться к нашим братьям, вольным казакам, борющимся за волю казачью.

После выслушания доклада и обменявшись мнениями, приступили к выборам станичной администрации. Тайным голосованием избранными оказались: атаманом станицы — **Василий Я. Кондращенко**, помощ. атамана — **Михаил М. Простянский** и **Панфил А. Чернега**; казначеем — **Варфоломей Филько** и писарем — **Иван Романов**.

Ревизионная комиссия: председатель — **Иван И. Федаш** и члены: **Павел Стороженько** и **Георгий Барабаш**.

По окончании выборов постановили: записать все изложенное и просит окружного атамана Н. Ф. Букина нашу ново-организованную станицу утвердить и внести ее в список в. к. организаций, назвав таковую «имени А. И. Кулабухова станица в Нише».

Этим же постановлением решили приветствовать нашего Батька Походного Атамана ВК И. А. Билого, окружного атамана Н. Ф. Букина, окружного контролера П. А. Карнаухова и всех наших братьев вольных казаков, в чем и подписуемся.

Председатель сбора сотник **И. Романов-Аслан Бек**, секретарь — **П. Чернега**.

Члены сбора: **Василий Кондращенко**, **Иван И. Федаш**, сотн. **Александр Дьяченко**, подх. **Варфоломей Филько**, **Георгий Белый**, **Григорий Нетребко**, **Мих. Тростьянский**, **Павел Стороженко**, **Георгий Барабаш**, **Иван Костюк**, **Арсений Липянский**, **Василий Киряченко**, **Петр Бородин**, **Гавриил Аладин**, **Леонтий Скибин**, **Гавриил Чайка**, **Стефан Женило**, **Михаил Гусев**, **Михаил Тихоновсков**, **Никита Шеховцов**, **Иван Пилогич**, **Андрей Никитенко**, **Михаил Чевычелов**.

В УЖИЦЕ.

На первый день Рождества Христова, Вольно-казачий имени Емельяна Пугачева хутор в Ужице, пользуясь тем, что все члены хутора в этот день были свободны от работ и службы, организовал общее хуторское собрание, организовав тем и встречу праздника в своей вольно-казачьей семье.

Хуторской атаман **П. С. Терещенко** после церковной службы с отдельными казаками прибыл в помещение хутора, которое к празднику было соответственно декорировано казачьими флагами с портретом Походного Атамана в центре, украшенный елочной зеленью, и т. д.

Встреча казаков и взаимное поздравление с праздником носили трогательно братский характер. Все чувствовали себя в приподнято — радостном настроении.

Пропев казачьи гимны и тропарь Рождества Христова, хуторской атаман, открывая собрание, первым долгом прочитал поздравление Походного Атамана с праздником Рождества Христова, а также — и от окружного атамана.

После чтения очередного бюллетеня окружного атамана, хуторской атаман перешел к докладу на тему о международном положении.

Широко и полно обрисовав международное положение, ссылаясь на выдержки из журнала «ВК» и из иностранной печати, хуторской атаман указывает на события в большом свете и возлагает на них надежду, надежду на скорое приближение часа генерального сражения за Родную Казакцию.

Далее, объясняя роль пропаганды в ВК движении, атаман предложил собранию открыт при хуторе отдел пропаганды, выбрав заведывающего отделом и двух ему помощников.

Инициатива хуторского атамана единодушно всеми одобряется. Единогласно был избран на должность заведывающего отделом пропаганды сотник ВВД **А. Д. Морозов**, а помощниками: по технической части **И. Я. Жуков**, ст. ур. ККВ, и по общей части **Петр Березлев**, казак ККВ.

Вкратком слове, обращенном к собранию, сотник **А. Д. Морозов** обратил внимание казаков на последствия, которые претерпело Казачество в результате проигрыша недавней борьбы за свою землю. Особо подчеркнул, что причиной его во многом была наша политическая неподготовленность. Призывал казаков не отставать и внимательно следить за событиями в большом свете, чаще обращаясь за объяснениями к нашей национальной ВК литературе и, таким образом, развиваясь культурно и политически, одновременно каждый будет помогать обогащать наш отдел пропаганды в его работе и борьбе за родную Казакцию.

В конце официальной части, хуторским атаманом был предложен тост за здоровье Походного Атамана, потом окружного атамана и всего ВК.

После фотографирования и скромной закуски казаки разошлись по домам к своим семьям, с удовольстви-

ем подчеркивая успешную встречу праздника Рождества Христова в своей казачьей среде.

Состав хутора:

Хуторской атаман **Петр Терещенко**, помощник **Д. Яковенко**, за писаря **Иван Жуков**, члены хутора: есаул **Черемухин**, сотник **А. Д. Морозов**, **Евдоким Чабанец**, **Илья Александров**, **Иван** (не разобрано).

ВК во Франции

ПО ВК ОКРУГУ.

1. Зачисляю в списки округа: казаков ВВД полк. **И. Н. Плахова**, ур. **Е. Басакина**, **Ж. Бармакова**, **Б. Павлова**, **К. Гуреева**, **Д. Ульчинова**, **Н. Долингунова** — с 15-го февраля с. г.

2. Исключаю из списков Округа — сотн. **Б. М. Кабанина** (КВ) согласно постановления хуторского сбора в. к. хутора имени **Б. Кундюкова** в. г. **Пеаже**, от 15-го февраля с. г., и казаков **А. Савченкова** и **К. Скобелева** (ВВД) — согласно постановления хуторского сбора в. к. хутора имени Атамана **Некрасова** в. г. **Коломбеле**, также от 15 февраля с. г.

3. Утверждаю выборы должностных лиц, произведенных станичным сбором в. к. имени **Евграфа Грузинова** станицы в. г. **Кнютанже** от 31-го января с. г. в следующем составе: атаман — сотник **А. С. Ивашков**, писарь — хор. **И. Гуков**, казначей — **И. Соколов**. Ревизионная комиссия: **Бормаков**, **Ф. Сергеев** и **К. Самсонов**.

4. Объявляю благодарность сотн. **А. Г. Дронову**, **И. А. Тищенко**, **Ф. Т. Жукову** и **М. А. Горелову**.

5. В марте настоящего года исполняется 20 лет, как казаки возвратили себе право и восстановление древней вольности в виде Войскового Круга и Рады. В соответствии с этим, предлагаю всем в. к. организациям устроить заседания, где надлежит отметить всю роль и значение Войскового Круга и Рады в жизни Казачества.

6. Зачисляю в списки Округа — сотника **Е. О. Брехова**, казака ВВД с 20-го декабря с. г.

7. 11-го февраля с. г., в одиннадцать с половиною часов дня, в городской больнице г. Труа, умер после тяжелой хирургической операции, рака желудка, ст. ур. **А. А. Филимонов** — член ревизионной комиссии ВК хутора «Черный Всадник» в г. Труа.

Мир праху безвременно скончавшегося казачьего патриота.

Окружной атаман: **А. Ленизов**.
Окружной писар: есаул **И. Кувиков**.

В БОРДО

Образование ВК куреня.

7-го сего февраля в городе Бордо образован ВК курень. Избран правление куреня в составе: атаманом — **И. В. Чуприна**, писарем — **А. Диановский**.

В курень вошли: казаки — **Ф. Шабатура**, **Я. Журавлев**, **С. Свиначев** и украинец **Г. Порубай**.

— Ряды казачьих националистов растут. Тем самым приближается день казачьего освобождения, день торжества казачьей национальной программы.

Слава Казачеству!

В БЕЛЬФОРЕ.

7-го февраля с. г. состоялся общий сбор Бельфорской в. к. имени **Н. С. Рябовола** станицы, на котором станичный атаман **А. И. Тищенко** сделал доклад о первом выборном атамане ВВД ген. **А. М. Каледине**.

Память покойного почтили минутой молчания, а после этого всем сбором пошли в церковь и отслужили панихиду по покойному Атамане.

Сообщил **Ф. Жуков**.

В ПАРИЖЕ

14-го февраля с. г. состоялся сбор Парижской ВК имени **А. И. Кулабухова** станицы, на котором были заслушаны доклады старого правления о годичной деятельности и ревизионной комиссии о поверке общественных сумм. После докладов старое правление сложи-

ло свои полномочия, в виду истечения срока, а станичный сбор выразил ему благодарность за прошлую деятельность.

После этого было приступлено к выборам нового правления. Закрытым голосованием избраны: атаманом станицы полковник **И. Н. Плахов**, помощником — есаул **М. М. Колесов**, казначеем — подхорунжий **Г. П. Павлов** и писарем — сотник **В. С. Семенкин**.

В ревизионную комиссию избраны: **Е. Басакин**, **М. С. Бросев** и **Е. М. Якименко**.

† А. А. ФИЛИМОНОВ.

11 февраля с. г. скончался от рака желудка, после тяжелой операции, на 40-м году жизни член в. к. хутора «Черный Всадник» в Труа — **А. А. Филимонов** — казак станицы Костромской, Кубанского Войска.

Покойный родился 30 августа 1897 г. Служил в 1-м Линейном полку. Участник войны с большевиками.

Похоронен на местном городском кладбище. На похоронах, кроме вольных казаков, присутствовали и казаки других течений, украинцы и русские. Присутствовала делегация от местного союза комбатантов со знаменем.

Покойный оставил после себя жену и троих детей. Спи спокойно, наш брат-казак. Смерть вырвала тебя из рядов нашей молодой в. к. организации, из рядов защитников казачьей воли и доли. В свое время мы перевезем твой прах на родную Кубань, в твою станицу.

Вечное тебе Царство и пусть будет тебе пухом земля, тебя приютившая!

С болью в душе сообщил член правления

Г. К. Алейников.

В стане русских казаков

Боже мой! Доколе же это будет продолжаться — когда же казаки перестанут называться русскими казаками? Доколе же русские казаки будут топить казачье имя в чужой грязи? Не пора ли им присоединиться к своим братьям, казакам — националистам, тесно сомкнуть ряды под национальным казачьим знаменем и защищать впредь только свои казачьи интересы, а не предаваться больше младороссам за стакан красного вина? Я вынужден так писать, хотя, может быть, это будет для них оскорбительно. Но пусть они знают, что «русские казаки», продающие себя за стакан вина, наносят оскорбление всему казачьему народу, а потому и прошу Походного Атамана не отказать поместить эту заметку на страницах журнала «ВК».

Недавно мне пришлось попасть в группу русских казаков. И что же я там видел и слышал?

...Когда мы вошли в комнату незнакомого мне казака, я увидел сидящих там человек 10. Сперва я не мог определить, кто они такие. Речами своими они выдавали себя как бы за русских, но по ухватке и по «поличью» я сразу определил, что это казаки. Так и оказалось, — все десять человек были казаки двух Войск — донцы и кубанцы.

После знакомства, присев на стул, я молча слушал их разговор. К моему удивлению, я слышу, что один из них платит по Николае II-м, другой сажает на престол Кирилла, третий — за демократию, четвертый — за федерацию, и т. д. Тут мне припомнились крыловский «Квартет»... Пользы, подумал я, от всех этих монархий, федераций и демократий для Казачества — никакой...

Один из присутствовавших обратился ко мне и просит высказать свое мнение, — как «мнение русского человека».

Поднялся я, пропросил разрешения высказать свое мнение. Начал я с того, что указал, что в данное время нахожусь в обществе своих казаков, а потому и хотел бы высказать свое мнение, о котором меня просит вот станичник.

Все в один голос: «Просим...»

— Во-первых, — начал я, — я не русский, а, по воле вам представиться, вольный казак, самостийник.

Слышу со стороны: «Биловец», что ли?»

— Да, станичник, «Биловец». Проповедываю ВК идею и защищаю казачьи интересы. И вам бы желал стать со мною рядом и защищать только казачье дело...

— А вы разве не русский? — слышится со стороны. — А в карт д-идантитэ вы значите не русским, что ли?

— Карта, — отвечаю, — документ для французов, а не для казаков. Вспомните, когда дома вы ехали куда-нибудь, ну, хотя бы из полка в отпуск. Небось, в билете было написано, что казак такой-то, а не русский. И вы тогда не назывались русскими, а только попавши, по вине русских, в эмиграцию, стали называться русскими казаками...

Русские казаки переглянулись...

— Но помните, станичники, что какой бы Россия в будущем ни была, для Казачества от нее хорошего ждать нечего.

— А от кого же и кто даст хорошее? Вольные казаки? Билый, что ли?

— Да, станичники, — отвечаю, — только и можно ждать хорошего, это от ВК, ибо оно имеет свою программу, казачью программу, свою определенную цель и прямой казачий путь к созданию своего казачьего независимого государства Казакии. А вот вы, русские казаки, вы не имеете ни программы, ни определенной своей цели.

Ироническое замечание слышу со стороны: «Хорошо, что вольные казаки имеют»...

— Да, вольные казаки имеют, — отвечаю. — Имеют определенную цель и защищают казачье дело. А вы, русские казаки, что защищаете? Я вот сейчас сижу среди вас и понял, что ваши стремления разные. Вас здесь десять и все вы идете по разным направлениям — один за Кирилла, другой за демократию, третий за чужую диктатуру... Из ваших речей вижу, что вы ничего определенного перед собой не имеете и сами не знаете, что делаете.

Подымается один и говорит: «Правда, станичники. Я лично симпатизирую вам».

Тут его прервал один полупьяный, говоря, что он ничего не понимает.

— Как же так, — говорит он, — ты только что был против самостийников, а теперь им симпатизируешь? Ну, если ты симпатизируешь раз, то я симпатизирую десять раз...

Поднимается другой, немного потрезвее, и говорит:

— Да, ты прав, станичник. Я вижу, что вы добиваетесь того, что полагается Казачеству. Я тоже бы не прочь от этого, но дело вот в чем: можем ли мы, казаки, жить без России и можем ли осуществить то, о чем ты здесь говоришь?

— Да, — отвечаю ему. — Казачество может жить без России, и наше дело казачье, которое мы, самостийники, начали, осуществится в скором будущем. Но нужно, чтобы все Казачество объединилось и вместе шло бы к намеченной ВК цели, для восстановления своего независимого государства Казакии, а не бродило бы по чужим законам, не продавало бы и не предавало бы своей казачьей родины. Я призываю вас стать в ряды ВК и защищать национальное казачье дело. Это и есть единственный путь спасения Казачества.

— Bravo, станичник! — аплодируют казаки.

Тут-то уже все пошло по иному. Чего только там не говорили! Мы, казаки, и больше никто, а все остальные — пошли подальше!..

Кто-то постучал в дверь. Входит незнакомый мне человек и в сумке приносит 4 литра красного вина. Ставя на стол, говорит: «Пейте, братцы!»

Человека этого можно было сразу узнать по ухватке и по говору. Это был младоросс (русский).

Я, конечно, сразу понял, в чем дело. Значит, младоросс могоарычит этих русских казаков, чтобы они шли к младороссам, т. е. за Кирилла с Казем-Беком...

Затем вошедший обращается ко мне и спрашивает:

— Вы русский?

— Отвечаю ему: «Нет, не русский. Я есть казак-националист».

— Да ну, бросьте... А казаки-то не русские, что ли? — возражает младоросс.

Наливает стакан красного и подносит мне. Выпейте, мол, этот стакан за общее дело, за возрождение России...

Я, конечно, поблагодарил его и сказал, что я не пьющий человек, а чужого вина вообще не пью.

Тут младоросс сейчас же захотел поговорить со мною «на политическую тему». Но я ему ответил:

— Вы русский, а я — вольный казак, и между вами и мной, т. е. русским и казаком, большая разница, а потому мне с вами спорить бесполезно, как и вам со мной: вы останетесь русским, а я — казаком. Для меня ваше русское дело — чужое дело, я этими делами никогда не занимался, а занимался и занимаюсь только своими, национальными казачьими делами, и потому прошу оставить меня в покое.

Больше младоросс меня не трогал, ибо он убедился, что переубедить меня нельзя. Через минуту он куда-то исчез, а потом возвратился со свертком младоросских газет, раздавая их русским казакам. Предлагает и мне 4 номера и говорит: «Вот, мол, возьмите, почитайте и убедитесь». Я, конечно, отказался и ответил, что меня такая газета не интересует, ибо это есть чужое для меня дело.

— Но, посмотрите, — говорит младоросс, — ведь они тоже казаки, а они читают всегда эту газету, ничего не возражая.

— Пусть читают, кому угодно, а меня это не интересует...

Младоросс отстал от меня и больше не приставал, видя, что не на своего наскочил... Выходя из комнаты, позвал с собой двух русских казаков, а остальные допивали младоросское вино.

И вот один из них говорит, что, мол, хотел бы знать программу самостийников: что они там говорят? При мне было пять номеров вольно — казачьей газеты «За Казачью Волю», посвященный памяти А. И. Кулабухова. Я предложил их русским казакам и еще два номера журнала «ВК», говоря им:

— Вы хотите знать программу самостийников, так вот прочитайте эту газету и эти журналы, и вы увидите и убедитесь, за что ВК борется и к чему стремится и вас зовет стать совместно и творить свое родное, казачье дело, а не идти за чужое, ненужное для Казачества.

Газеты и журналы все охотно взяли... И вот один из русских казаков (кубанец), увидя портрет А. И. Кулабухова и прочитав заголовок, говорит:

— Да это же поп — расстрига. Это ж он сбивает казаков с панталыку, за то его и повесили!..

— А разве вы его знаете? — обращаюсь я к кубанцу. — Скажите, пожалуйста, какой станицы был А. И. Кулабухов?

— Этого я, — говорит, — не знаю, какой он был станицы.

— Как же вы, дорогой, говорите, что вы его знаете, а выходит, что вы его не знаете? — отвечаю ему.

— Так, — говорит, — рассказывали, что он с большевиками вел переговоры...

— Значит, станичник, вы его совсем не знаете, а слушали, что на него русские клеветали. Но это не вина казачьего патриота, погибшего за казачье дело от рук русских палачей. Я бы вам советовал побольше почитать журнал «ВК», прочитайте внимательно и эту газету, и тогда вы узнаете, кто был этот «поп-расстрига» и к чему он стремился и за что он умер. Не за нас ли, не сознающих своего долга перед Казачеством?..

Встаёт донец и говорит:

— Так что же, ты не знаешь своих людей?

— А ты, — отвечает кубанец, — всех знаешь своих?

— Да я же не говорю, что знаю, как ты, а вышло, что ты его не знаешь, — ответил донец.

Потом все стихло, ибо настал одиннадцатый час ночи, а в такое время в отелях должна быть тишина.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы было больше свободного времени, но наступил час для меня ехать домой. Чтобы не опоздать на поезд, я стал собираться в дорогу. На станцию меня провожало 5 человек: три донца и два кубанца, как раз те самые, которые спорили со мной.

Не дойдя до станции, тот самый кубанец опять задал вопрос:

— Кто такой Билый? Генерал какой-нибудь, что так пишет?

— Нет станичник, — отвечаю ему, — не генерал, а казак — националист и Походный Атаман ВК. Он — штатский человек, но знает казачью историю лучше всякого генерала.

— А это не тот, — говорит, — Белый, полковник, что очень выпивает?

— Нет, — отвечаю ему. — Есть Белый, и есть Билый. Первый полковник, а второй — бывший член Кубанской Рады.

Донец еще раз спросил меня:

— Все это хорошо, но сможем ли мы жить без России?..

— Сможем, станичник! — ответил я ему, — а вот Россия без казаков не очень-то разгонится, вот почему и тянет вас к себе...

— А может, и правда, — говорит кубанец донцу, — теперь ничего не разберешь, что творится где и за кого идти. Один говорит то, а другой другое, и не знаешь, кому верить...

— Казачеству, — подсказываю ему, — надо идти за свое национальное казачье дело и идти только по казачьей дорожке. Надо добиваться освобождения казачьего народа из-под московского ига, надо создать свое независимое казачье государство Казакцию, в которой Казачество и заживет счастливо, не подчиняясь никакому барину русского происхождения...

Наскоро прощаюсь, т. к. поезд уже трогается. Что было дальше, не знаю. Вероятно, «русские казаки» пошли допивать младоросское вино... А может быть, у кое-кого в душе и зашевелилось уже казачье сознание... Может и зашемило у кого сердце по казачьему и за казачьим....

Гавриил Павлов.

СПАСИБО

Милостивый государь,
господин Редактор!

По просьбе своего хуторчанина в Бельгии С. С. Псарева, обращаюсь к вам с просьбой объявить на страницах журнала «ВК» глубокую благодарность от лица казака Кубанского Войска Семена Степановича Псарева членам **Украинской громады** в Льеже за пожертвование ими по подписному листу девяноста фр. 50 сант. (90 фр. 50 с.) на сооружение железобетонной плиты и такого же креста на могиле умершего в июле 1936 г. его станичника **Г. С. Павличенко**.

15-11-37.

Искренно преданный вам
Н. Боровлев.

РОЗЫСК

Ольга Демьяновна **Захлевная** просит откликнуться своего отца, казака станицы Псебайской ККВ Демьяна Максимовича **Захлевно** и родного брата Александра.

Лиц, знающих адрес моего отца, прошу написать по адресу: Yougoslavie, Моравска бановина, рудник Бор, Нова колония, група 19, бр. 3. Ольга Д. Захлевная.

Розыскиваю станичников и хуторцов станицы Атаманской В. В. Д. Прошу откликнуться по адресу:
Mr I. Dulimov, Ostrov, str. B. № 19, (s. Pantellimon).

Bucarest, Roumanie.

Станичников, знающих что либо о судьбе моей родной сестры, учительницы, казачки ст. Генерала - Ефремовской, Елены Федоровны **Корытько**, урожд. Кузнецовой, прошу сообщить по адресу:

Gajowy Mikołaj Kuzniewiczow. Pinsk, ul. Marszałka Piłsudskiego, 74-d. Pologne.



Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО -- ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год.:	цена отдельного номера:
Во Франции	40 фр.	80 фр.	5 фр.
В Чехословакии	50 кр.	100 кр.	5 кр.
В Болгарии	150 лева	300 лева	15 лева
В Румынии	200 лей	400 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0,50 мк.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0,20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции почтовых марок на 1 фр., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: Mr. I. Bilyi: 109, rue Erlanger, Paris 16.